

Олег Митрофанов

БУМЕРАНГ

Мелодрама в 30 сериях, 2 частях

МДМ, умной и счастливой.

(I)

1.

- Мальвина, ты что? Подожди! - Стрелец смотрел на девушку жестко и осуждающе, с трудом сдерживая отчаяние. - Ты же обещала все рассказать!

- Передумала.

Мальвина накрутила шарф вокруг шеи, прямо на платье накинула дубленку, влезла голыми ногами в сапоги и хлопнула дверью.

- Шапку забыла! - в надежде крикнул ей вслед Стрелец.

Ответа не последовало.

Стрелец подошел к шкафу. С центральной полки на него смотрела серьезная настороженная Мальвина с маленьким чертенком в глазах. Он открыл стеклянную дверцу и взял фотографию двумя руками, зажав ее между большими и указательными пальцами.

Постоял минуту, закрыв глаза.

Раздумал.

Поставил фотографию на место, отвернув к стене.

Так тоже был не порядок.

Чертенок прожигал насквозь плотную непрозрачную бумагу и следил за ним.

Стрелец сходил за стремянкой, поднялся на самый ее верх, достал наугад какой-то увесистый том, спрятал в него снимок и задвинул книгу на место.

Все это - так и не открывая глаз.

Наконец, он потерял равновесие и упал со стремянки.

Теплые подушки дивана устойчиво хранили пряный запах. Так пахло у Мальвины за ушами...

Это было бы невыносимо, но, к счастью, стремянка больно ударила Стрельца по ноге. Стрелец встал, прихрамывая и поглаживая пятку, сделал несколько шагов по комнате и автоматически посмотрел на часы.

Прошло четыре минуты.

По всему, она уже успела добежать до остановки.

Предельно обостренным слухом он уловил шум отъезжающего автобуса.

Значит, все-таки - конец.

Было без пяти минут три.

2.

Вчера в это время мир был прекрасен.

На столе стояли фрукты, торт и шампанское. Мальвина позвонила из института и сообщила, что выезжает к родителям, потом навестит двух подруг и приедет к нему.

В запасе оставалось часа четыре.

Чтобы скоротать время, Стрелец сел за компьютер редактировать научно-технический перевод. Речь шла о каких-то квазарах, которые будто бы есть, но в то же время будто бы их и нет. Эти космические «будто бы» накануне нового века раздражали и казались совершенно неактуальными.

Тем не менее он упрямо работал, а когда оторвался от клавиатуры, оказалось, что уже половина десятого. Телефон молчал. Родителям Мальвины Стрелец звонить не мог, ее подруг он не знал.

Не очень пока расстраиваясь, Стрелец оделся, сунул в карман трубку и вышел на улицу. Мальвина сообразит, что он пошел ее встречать, и догадается позвонить на сотовый.

Морозило. Шоссе было почти пустынным. В обе стороны - ни одного автобуса. Стрелец пошел к метро. По пути ему попался Дед Мороз.

Процедив что-то новогоднее, Стрелец получил в подарок шоколадную змею в обертке. Змея косила глазами к носу и противно кокетничала с ним.

Над входом в метро большая елка светилась поздравлениями и пожеланиями счастья. В проехавшей машине Стрельцу почудилось знакомое лицо.

Он повернул назад.

Дома никого не было. Так же моргала елка за компьютером, на журнальном столике мерцала сервировка, телевизор бесшумно исторгал адреналин.

Зазвонил телефон. Не туда попали, но с Новым годом поздравили. Что за свинство...

В полночь Стрелец послушал новый гимн.

Потом он выключил компьютер, снял фольгу с шоколадной змеи, достал бутылку водки и поставил ее рядом с шампанским.

На улице под окнами взлетали ракеты, трещали петарды.

Подростки издевались над стариками, детьми и домашними животными.

3.

Звали его красиво - Петр Иванович Пирогов.

В добрые студенческие времена его обидно дразнили «Пи-Пи».

Даже стишок изменили в его честь:

«П» уехал за границу,
Там простыл, «И» лег в больницу...
Что осталось на трубе?

Ответ был этот самый: на трубе осталось обидное «Пи-Пи». Логика, конечно, пошаливала, но девочки смеялись и с нехорошей жалостью посматривали в сторону Пирогова.

Виновником нездорового интереса студенток к анаграмме был друг и соперник Аркадий Платков. Его можно было понять.

Во-первых, Аркадий был еврей.

Во-вторых, он всеми силами это скрывал.

В-третьих, он был низенький, толстенький и почти безволосый, от чего страдал всяческими комплексами.

В-четвертых, природа наградила его темпераментом Казановы.

Жуткий бабник и ревнивец, Аркадий не мог пропустить ни одной симпатичной девчонки. И если кто-нибудь, с кем-нибудь, без него - даже невинно, что называется, *близко стоял*... Не дай Бог.

В-пятых, он был гений.

Пока остальные студенты шуршали шпаргалками в судорожных поисках решений, Аркадий вкривь и вкось писал на контрольном листочке две строки, после чего задумчиво разглядывал ногти.

Преподаватель - аспирант третьего года - к шпаргалкам относился достаточно спокойно, но бездействующего Аркадия вычислял в момент.

Заглянув через плечо Платкова, аспирант некоторое время пытался осмыслить странные иероглифы, забирал листок и шел к своему столу. Там он лез в учебные и методические пособия, а в заключение вызывал Аркадия к доске. Написанные мелом закорючки вызывали зависть и восхищение. Простота и оригинальность решения учебной задачи давали почти научную перспективу, которой не было в учебнике.

На следующем семинаре повторялось все сначала.

Списывать у Аркадия было невозможно: его авторский стиль угадывался мгновенно. Лишь одному человеку это удавалось. Конкретно - Пете Пирогову.

Пирогов был пловцом. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Спортивные приоритеты в ректорате были высоки.

Высоким и статным являлся сам Пирогов. Иногда он представлял институт не только на спортивных соревнованиях. Для этого нужна была соответствующая зачетка. Каковая и обеспечивалась по негласной протекции «сверху».

Полные противоположности, Пирогов и Платков некоторое время были дружны.

4.

Самая красивая студентка Надя Моисеева носила длинные волосы и короткие юбки. Этого не могли воспринимать равнодушно ни однокурсники, ни педагоги, ни все встречные-поперечные, ни Пирогов с Платковым.

Однажды после соревнований Аркадий, находившийся с Надей на трибуне, упал в бассейн. Там он чуть не утонул. Пирогов, выступивший на дистанции не слишком удачно, при полном зале торжественно спас друга, топором пошедшего ко дну.

Данные показательные выступления привели к обострившейся дружбе однокурсников. Надя, восхищенная славным подвигом, с теплотой и интересом смотрела на Пирогова. Этого Платков спустить не мог.

Тогда-то, в благодарность за спасение, и родилось прозвище «Пи-Пи».

Удар был рассчитан точно, нанесен вовремя и привнес в расстановку сил серьезную коррекцию. Пи-Пи был просто Пи-Пи, даром что пловец. Тем более на семинарах он тонул еще стремительнее, чем Аркадий в бассейне.

Между тем, спасенный соперник угрожал всем блестящей научной карьерой. За короткое время Платков вырос в глазах Нади на целую голову - ту голову, на которую она была выше его.

Приехав как-то со сборов, Пирогов попал на свадьбу.

Надя была обворожительна. Платков в костюме выглядел вполне пристойно.

Белый «Запорожец», увитый алыми и розовыми лентами, отъехал от институтского общежития и отправился в большое плавание, оставив Пирогова и прочих, домогавшихся внимания прелестной Нади, за бортом.

Через год молодые супруги упали на «Запорожце» в овраг. Платков отделался легким испугом. Надя умерла в больнице.

С тех пор дружба увяла.

Пирогов не разговаривал с Аркадием. Тому уже почти двадцать лет.

5.

Катя была дочерью Платкова и Нади. В момент падения родителей в овраг она безмятежно спала в институтском общежитии. Потом проснулась, захотела есть и привлекла внимание девушек из соседней комнаты.

Те переполошились.

К счастью, у одной из них был запасной ключ от комнаты Платковых.

Когда выяснились все обстоятельства дела, Платкову от института дали двухкомнатную квартиру, с условием, что он останется работать на кафедре математики.

Аркадий быстро все рассчитал, женился второй раз - на той самой девушке-соседке, у которой Надя оставила в тот день ключ, - и остался работать в институте.

Карьера его задалась. Став одним из самых молодых докторов наук, Платков получил приглашение читать лекции за границей. Дело было выгодное. Его жена Зоя могла не работать и воспитывать Катю.

Однако, она и Катю воспитывала, и работала.

Катя росла резвой девочкой, называла Зою мамой, папу почти не видела.

Как-то, придя домой из магазина, Зоя обнаружила исчезновение стратегических запасов синьки. Это было Катиных рук дело. Выкрасившаяся в красивый цвет ультрамарин Катя была незамедлительно подстрижена наголо.

Тем не менее, по непонятным причинам, ее темные волосы стали с тех пор отливать странной синевой.

Чуть позже, в подготовительной группе детского сада, ей дали прозвище «Мальвина».

Мальвиной она и осталась. Хотя по темпераменту и склонности к приключениям она была ближе к главному герою известной сказки.

Неким прекрасным утром она упала с моста. Не то, чтобы совсем упала - удержалась, ухватившись зубами за доску, и провисела минуты три. Подруги пришли в себя, вытащили Катю. Зубы шатались. Губу раздуло. Один умный мальчик сказал ей, что в таких случаях больное место посыпают солью. Что и было исполнено. После этого ребенок целый вечер молчал, как партизан, воротя нос от взрослых.

Зоя, не сразу догадавшаяся, что что-то не так, расколола девочку уже под вечер. Таким образом, Мальвина провела с солью на ранах несколько часов.

Или как-то, лазая с мальчишками в ветхих домах, предназначенных под снос, Мальвина нашла в подвале ржавый наган с тремя патронами. Парни непременно захотели пострелять. Но Мальвина, будучи умнее и догадливее, сообразила, что старое оружие может разорвать. Когда ребята решили отнять у нее пистолет, она твердой рукой навела ствол на них и заявила, что они идут в милицию. Так, под конвоем, и дошли мальчишки до отделения. Зрелище было странное. Синеволодая девчонка в шортах и с наганом вела через весь микрорайон троих чумазных пацанов. Прохожие усмехались. Они думали – дети играют в войну.

Мальчишки потом сговаривались Мальвину побить, но в итоге рука как-то не поднялась. К тому же в глубине души они понимали, что она была, в общем-то, права.

Однажды зимой Катя нырнула в прорубь замерзшего пруда, чтобы поймать пескаря. Рыбка всплыла на свет, но, завидев девочку, передумала и шевелила плавниками на дразняще небольшой глубине. Ей не следовало так поступать.

Катя схватила воспаление легких. Лечение было подкреплено хорошим отцовским ремнем. Но, самое удивительное, пескаря она поймала. Тот жил месяц в банке из-под огурцов, а потом был торжественно выпущен в пучину вод.

Такая вот росла девочка - эта Мальвина.

В кого - непонятно.

6.

- Я все время живу, как на пороховой бочке!!

- Не живи, кто тебя заставляет?

- Послушай, только молчи. У меня складывается впечатление, что мы с тобой, все-таки, говорим на одном языке. И оба, старательно, уже так долго, уговариваем самих себя и друг друга - что на разных... Ты же прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ты же прекрасно понимаешь, *кто* и *что* меня заставляет так жить. Ты же прекрасно понимаешь – по-другому не будет. Скажи, если вдруг я исчезну совсем, ну, *свалю*, как там на твоём языке это звучит, что будет дальше? Ты что молчишь?

- Ты сам сказал - «только молчи».

- Логика у тебя железная.

- А у тебя - бумажная... Слушай, ты все-таки больной... Посмотри на себя в зеркало!

- Зачем?

- Ты увидишь там больного. Ты кто по гороскопу?

- Стрелец.

- Ну, так вот, Стрелец. Я тебе не жена, не сестра, не дочь. Даже не кума. Это раз. Никаких обязательств у меня перед тобой нет. Это два. Ты уже лысый, седой и сморщенный, но я, как ни странно, нахожу в тебе некоторую прелесть. Это три. Я большая девочка, со мной ничего не случится, я тебе обещаю. Это четыре. Никуда ты не исчезнешь. Это пять. И, наконец, я хочу пива. Это шесть. У тебя есть деньги?

- А у тебя?

- Нет, конечно.

- Что ж спрашиваешь... Какого?

- Золотого. А еще хочу салатик. И колбаску. И селедочку. И фасоль в томате. И хлеба. И...

- Зрелищ.

- Нет. Зрелищ мне от тебя не надо.

- Слава Богу...

- И курочку. И шоколадку. И сигареты. Вот.

- Все?

- Все.

- Хорошо... Послушай... Давай не будем больше скандалить...

- Так - не скандаль. Ты идешь в магазин или нет? Я есть хочу.

7.

Институт они закончили на разных кафедрах. Дипломы получили в один день. Пирогов, испытавший очередной крах в личной жизни, забросил плавание к концу четвертого курса и принялся за дело. К его собственному удивлению, кое-что у него стало получаться.

Две извилины со временем превратились в три, даже, по ласковому выражению Платкова, в три с половиной. Целый год Петр не вылезал из пригорода, где проводил какие-то опыты на синхрофазотроне. Опыты были совершенно учебными, но давали право на диплом и на некоторую уверенность в себе.

В довершение всего Петя стал интересным образом седесть, а надо лбом у него появились интеллектуальные залысины.

Был ли тут виноват синхрофазотрон, неизвестно.

Но диплом он получил.

Платков же, лысый безо всяких синхрофазотронов, очень толстый и наглый, совсем перестал его замечать.

Окончание института в группах Аркадия и Пети праздновалось в один день и в одном кафе. Были две разные компании, сидевшие в противоположных углах зала, потом как-то две компании превратились в одну, и тут такое началось...

Ничего, конечно, особенного не началось, просто было весело, а в один прекрасный момент Пирогов увидел четырехлетнюю Катю.

Она в то время еще не была Мальвиной. Платкову и Зое некуда было ее девать. Зоя училась на другом курсе. В этот вечер она находилась на практике и должна была заехать за Катей в кафе. Зоя задерживалась. Аркадий не слишком тщательно стерег девочку, поэтому Катя активно проводила собственные исследования. В момент, о котором идет речь, Катя была увлечена дремлющей кошкой.

Животное привольно разлеглось в вазе из-под фруктов, стоящей на краю сервировочного стола, и время от времени помахивало хвостом над хлебным блюдом. Кате во что бы то ни стало надо было до этого хвоста дотянуться.

В результате хлеб был безжалостно рассыпан по полу. Ваза разбилась. Кошка не спеша соскочила с сервировочного стола и изволила обратить на Катю внимание.

Развеселившееся общество происшествия не заметило. Гремела музыка, официантки на кухне пили чай, бармен смотрел телевизор, кошка терлась о Катины ноги.

Пирогов был трезв.

Привычка к спорту и воздержанности не выветрилась у него за минувший год. Он один услышал звон и обернулся в его сторону.

- Я - Катя, - как будто ждала этого поворота судьбы маленькая принцесса.

- А я - Петя, - отозвался будущий Стрелец.

У Кати были зеленые глаза. В них жил карий чертенок. Он ухмылялся в этот миг и корчил Пирогову смешные предсказательные рожи. Пирогов ничего в них не понимал. Он протянул девочке по-мужски руку и спросил:

- Катя, а ты кто?

- Я маленькая Пантера! Р-р-р-р-р! (у нее получилось «В-в-в-в-в!») Страшно?

- Весьма. Это твоя киса?

- Нет. Она тут хозяйствует.

- Что она тут?

- Хо-зйя-ству-ет. Ну, хозяйка она тут. Вот, ваза, опять же...

Катя подняла осколок и пощекотала им кошке усы. В ответ кошка укусила девочку за палец и убежала вприпрыжку. Показалась маленькая круглая и очень красная капелька крови.

- Ай!

- Тебе больно?

- Нет. Давай станем с тобой, как индеец с бледнолицым.

- Как это?

- А вот так. Дай палец.

Петя послушно подставил безымянный палец. Не успел бывший спринтер среагировать, как его царапнул осколок вазы.

Потекла кровь.

- Вот это и есть - как индеец с бледнолицым! - удовлетворенно завершила действие Катя, приложив свой палец к его руке. - Я индейка. Меня зовут Черная Пантера. А ты - Бледнолицый Хорек.

- Почему же сразу - Хорек?

- А кто же?..

Пете было и больно, и смешно. Пожав Пантере руку, сказав «Хуг!», он отправился к своим бывшим однокурсникам.

Катя вскоре была уведена домой подоспевшей Зоей. Вспомнив о своей индейской подруге через полчаса, Пирогов ее уже не нашел.

Зато, сошедшись нос к носу с Аркадием, Петр стоял и смотрел на него, как-то рассредоточившись. Что-то недавно-знакомое почудилось ему в глазах бывшего друга.

Нет, не вспомнилось.

Постояв с минуту тет-а-тет, Петя и Аркадий молча пожали друг другу руки и разошлись к своим столам.

Празднование продолжалось до утра. Больше всех была довольна сытая кошка

8.

Зоя служила в аптеке. Ей не надо было беспокоиться о куске хлеба, но некоторую иллюзию самостоятельности сохранить хотелось. Химико-технологическое образование позволяло ей работать провизором. Жизнью Зоя была довольна.

Впрочем, время от времени в голову ей приходила тревожная мысль, что своих детей у нее нет. Странность состояла в абсолютно материнском отношении к Кате-Мальвине, с одной стороны, а с другой - в подсознательном ощущении чего-то упущенного.

Аркадий обращал на жену мало внимания.

На семинарах, симпозиумах, выездных лекциях ему встречались блестящие куртизанки, настоящие глубоководные акулы, которые охотились за всем, что звенит или шуршит. А поскольку у Аркадия в кармане шуршало достаточно часто и, самое главное, солидно, то он чувствовал себя постоянным объектом большой охоты. Это его вдохновляло и подвигало на научную мысль.

Он блестяще импровизировал и, несмотря на забавную внешность, слыл настоящим ловеласом. Будучи весьма азартным, Аркадий, однако, не терял головы, и ни одна из вышеназванных акул не могла похвастаться его доверием.

Зое же он безусловно доверял. Она была милой, простой и изученной, как учебник, от корки до корки.

Аркадий ошибался... Впрочем, его ошибки - дело далекого будущего.

А пока неосознанное недовольство заставляло Зою работать. Это приводило к тому, что Катя, учась в начальной и средней школе, большую часть досуга проводила в аптечной лаборатории. Там она учила уроки, устраивала странные химические опыты, что делать было, вообще говоря, строжайше запрещено, а также наблюдала в щелку за жизнью *больных*.

Ощущение, что все посетители аптеки *больные*, Катя вынесла из самого нежного детства. Логика была простая и железная. Мама делает лекарство. Лекарство - это то,

что лечит. Лечит - значит, что-то болит. Болит, конечно же, у больного. Все посетители аптеки пришли за лекарством. Последнее звено очевидно.

Дело доходило до курьезов. Девочка могла смутить случайного прохожего вопросом «Дядь, ты больной или нет?» только потому, что не видела - вышел достопочтенный господин из дверей аптеки либо проходил мимо. Реакция на подобные вопросы оказывалась до неожиданности стандартной. Люди не знали, как ответить, бледнели, озирались, искали непорядок в одежде или в Кате и поспешно ускоряли шаг, время от времени оглядываясь.

Адекватно реагировали лишь мальчишки да пьяницы. Первые могли с размаху засветить в глаз. Последние с удовольствием соглашались: «Больной, дочка, больной, слушайся маму!»

Поэтому к подростковым годам уверенность, что все *больные*, у Кати не улетучилась, а переросла в размышление - а не так ли это в действительности?

Синие Катины волосы вызывали большой интерес у Зоиных коллег. Женщины находили, что молодой девушке такое украшение странным образом к лицу, и просили Мальвину поделиться с ними рецептом. Секрет уничтожения изрядного количества синьки приводил к отчаянным экспериментам некоторых дам над собой. Но положительных результатов это не дало. Только отрицательные. Вплоть до стрижки наголо.

Тогда фармацевты подвергли Катины волосы лабораторным исследованиям. Химический состав волос оказался стандартным, и наличие кобальтового пигмента объяснить не удалось. На том и махнули рукой - синие так синие. Красиво, и ладно...

Зоя в этот период была похожа на Кустодиевскую Венеру.

С директором аптеки, пожилым армянином Суреном Мисробовичем Геворкяном, у нее возник роман. Он стал одним из звеньев цепи случайностей, которая потом замкнулась странным образом.

9.

Личная жизнь Пирогова была неудачна.

После вероломного поведения его друга Аркадия, на несчастье и беду уведшего Надю Моисееву в ЗАГС, Петр Иванович полтора года не замечал женщин, как говорится, в упор. Но на четвертом курсе инструктор секции аэробики Валя Малыгина разбила защитный экран, позволявший Пете соблюдать нейтралитет.

Вале было двадцать шесть, первую половину молодости она отдала спортивной гимнастике и была на строжайшей диете во всех смыслах этого слова. Уйдя из спорта в ранге вице-чемпиона Москвы, отрубив пять лет на тренерской работе в детской спортивной школе, Валя решила обзавестись семьей.

В спортивной школе перспектив не наблюдалось. Двое тренеров-мужчин - по акробатике и по гребле - были женаты столь безнадежно, что на них было жалко смотреть. Врач-остеопат Обломов слыл жутким циником. Остальной контингент состоял из молодых мастериц спорта, дерзких и незамужних.

Валечка почитала объявления и подала документы на должность преподавателя спортивной кафедры «мужского» института.

Год Валентина расхаживала по физкультурному комплексу института в красном адидасовском костюме и занималась с группами «общей подготовки» самой что ни на есть общей подготовкой.

Это был паноптикум. Одни студенты имитировали безнадежные болезни. Другие действительно чем-то страдали. Нормальных - здоровых - не наблюдалось. Завидно

бодрыми и стойкими оказались примкнувшие к студенческим группам пожилые институтские сотрудники, жители окрестных домов пенсионного возраста и две старенькие уборщицы пищеблока. У последних запас жизнелюбия был воистину неисчерпаем. Они приходили на занятия в любую погоду, в добром здравии и отличном настроении. Переодевшись, старушки бегали вокруг корпуса, кидали баскетбольные мячи, крутили хула-хупы... Вале казалось, что она работает в доме для престарелых оптимистов.

На каком-то совещании в ректорате Валя познакомилась с Петей.

Протекало все красиво. Чемпион Универсиады по плаванию и экс-вице-чемпион Москвы по гимнастике составляли интересную пару.

Дело дошло до подачи заявления.

Но в ночь перед церемонией бракосочетания Пете приснилась Надя.

Сна в подробностях он не помнил. Было лишь странное ощущение того, что человек вернулся. Стоит зайти за угол в какой-то удачный момент - и встретишь его, как бывало много раз, как что-то само собой разумеющееся, очень приятное, но по сути совершенно обыденное.

Наутро Петя позвонил Валентине и сказал, что жениться не придет.

Одна формулировка чего стоила, а уж сам по себе факт был просто вопиющим.

Валя пообещала Пете всевозможные чувственные удовольствия, если он посмеет переступить порог физкультурного комплекса. Представила Петин поступок в самом выгодном свете на кафедре физкультуры и в секции плавания. Откуда-то даже разузнала обидное первокурсное «Пи-Пи».

К счастью, на том возможности Вали Малыгиной закончились.

С профилирующим плаванием Петя расстался.

Сделав это, он засел за кнопки управления синхрофазотроном. Кроткие элементарные частицы и грозные электронные ловушки отлично кристаллизовали мозги. Виртуальный мир больших скоростей и бесконечно малых величин, в который человеку с его данными Богом параметрами доступа не было, давал прекрасную возможность посмотреть на себя критически.

Валентина пару раз пыталась выяснить с Петей отношения, но пропуска к ускорителю у нее не было. Спрятавшись от бывшей невесты за элементарными частицами, Пирогов с неожиданного ракурса доказал верность специальной теории относительности.

Защитив диплом, молодой специалист Петя четыре года просидел за уже знакомым пультом в пригороде. Потом бывшие друзья-спортсмены подтолкнули его в совместное предприятие, торговавшее всем, что плохо лежало за границей - от «Сникерсов» и обуви до цветных телевизоров. Став экспертом буквально во всем, Петя на первой волне общего энтузиазма приобрел себе квартиру и обставил ее, как нравилось.

Но самое главное, когда легкие деньги кончились, а серьезные люди научились их считать в своих и чужих карманах, Петя сумел вовремя выйти из игры. Он положил трудовую книжку в институтскую лабораторию, а сам, когда хотелось, дома на компьютере занимался научно-техническими переводами. Вообще, за последние годы он внутренне очень изменился, самообразовался, приобрел устойчивые полезные привычки.

Имея достаточно свободных денег, чтобы в принципе не работать, Петя вел жизнь тихую, экономную, не лишенную простых удовольствий, но совершенно исключившую всякие излишества. Он регулярно бегал и играл в волейбол. Иногда ездил на хорошие курорты. Время от времени позволял себе сменить машину, при этом никогда не гонясь за модой. Женщины тоже не были для него табу, но отношения с ними поддер-

живались чисто деловые. Так сказать, технические. Ты мне, я тебе... В этом не было цинизма, потому что никто не испытывал никакой любви. А отточенная с годами техника позволяла получать друг от друга наслаждение, избавляться от комплексов и сбрасывать зажим. Очень любил Петя вечерами сидеть в одиночестве под торшером, выключить телевизор, завести в наушниках интеллектуальный рок или Вивальди и читать какую-нибудь латиноамериканскую заумь. Не потому, что уж очень сильно нравились ему Стинг или Маркес, но таким образом он удерживался от искушений. В его комнате всегда горела толстая ароматизированная свеча, хотя он и не курил.

Изредка Петя принимал у себя гостей, сам порой наносил визиты.

Однажды он решил навестить знакомых в южной части города, куда наезжал редко.

Была весна. Равноденствие. Солнце шло на лето. Настроение - тоже.

Немного выпили и отлично закусили. Сумерничали, вспоминали спортивную молодость. Остались очень довольны встречей, собой и друг другом.

Под вечер Петя осторожно выруливал на своем пятилетнем БМВ из-за аптеки. В обзор бокового зеркала попало окно служебного помещения магазина.

Взглянув в него, Петя врезался в первый попавшийся фонарный столб.

10.

Достав бутылку водки, Стрелец подошел к приоткрытому окну.

На улице была оттепель.

Новый год не просто не ощущался, но даже как будто оказался профанацией.

Как часто он думал об этом вечере - новый год, век, тысячелетие...

Смотрел даты жизни знаменитых людей и даже где-то завидовал сам себе: Пушкину было только полтора. Он, пожалуй, не осознавал еще, при каком событии живет.

Лобачевский в свои восемь лет смену веков, наверное, отпраздновал.

Его тезка Петр Великий не просто присутствовал, не просто праздновал, но, надо думать, отметил по полной программе.

И все равно - им-то всем, великим, в крайнем случае, повезло жить при смене столетий, а ему, Пете Пирогову...

Ему будет тридцать девять.

В восемнадцатилетнем возрасте эта цифра казалась ужасной. Столько не живут. Бездарная старость или, по крайней мере, семейная хладность, полные приземленных проблем, мерещились за этой астрономической цифрой.

В двадцать пять посчитал - осталось еще почти четырнадцать. Решил написать самому себе из этого дня в тот, когда пойдут первые секунды нового тысячелетия.

Сказано - сделано.

Письмо он написал, заклеил, перемотал крест-накрест скотчем и поначалу каждый год аккуратно расписывался на конверте - дескать, доставал, смотрел, взвешивал, считал: один... два... три... пять...

Потом он забыл про письмо. Несколько лет не доставал его, а когда оно неожиданно выпало из-под книг, выяснилось, что лет уже тридцать четыре, и ждать осталось меньше, чем прошло.

Оказывалось, тридцать девять - живут. Вот они уже не за горами.

Самое главное - было ясно, что живут гораздо дольше.

И все-то у него неплохо.

Полное спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Друзья - не слишком близкие, но душевные и уважающие его суверенитет. Семьи нет, но как-то не очень и хочется. Остальное - соответственно.

Поэтому - будь что будет! Содержание письма он уже забыл. Поднес конверт к яркой лампе. На просвет проступили какие-то невнятные таинственные символы.

Нет. Не разобрать. Запечатано хорошо.

Вновь расписался, вновь убрал конверт - уже не очень далеко, уже держа его на задворках памяти. Что ж, пусть приходит век. В одиночестве, при свече и работающем телевизоре, он достанет письмо, распечатает и прочитает какую-нибудь милую чушь - несколько многозначительную в силу молодости автора и глобальности мечтаний о большом событии. Подождем.

И жил себе спокойно и неторопливо.

Потом жизнь обрушилась. Время промелькнуло, как скорый поезд в ночи. Как пущенная со стократным ускорением покадровая съемка. Так растут, распускаются, ловят солнце и вянут за секунду цветы на экране.

Комфорт ушел. Пришли сомнения и тревога. При смене всех цифр Стрелец родил каламбур: пусть мы не встречаем сейчас новое тысячелетие. Но *двухтысячелетие* наступает, и это факт.

Каламбур оказался удачный. С ним трудно было поспорить.

Пролетел еще один год. Мальвине почти восемнадцать. Ему тридцать девять. В свой день рождения он достал письмо и поставил его за стекло в шкаф, рядом с ее фотографией. Столько лет было впереди, так много оставалась времени, чтобы подготовиться - но вдруг счет пошел на недели. На дни. На часы. На минуты...

Пришла полночь. И прошла своим чередом...

На улице хлупает оттепель. Подростки темными группами тусуются во дворах и запускают свои шумные штуковины. Каждую секунду хлещут в глаза тревожные стробоскопные всполохи китайского фейерверка...

Подъехало такси к соседнему подъезду. Водитель вышел, закрыл машину и исчез. Опять свинство.

Стрелец отошел от окна. Взял шоколадную змею. Выбросил из вазочки конфеты. Налил в нее водки до краев. Выпил. Откусил голову змее и захрустел ею. Подошел к форточке, выкинул вазу.

На крыше подъезда раздался звон. Это был его вклад в салют.

Все остальное он допил из бутылки. И уснул прямо на ковре.

Через некоторое время зазвонил мобильный телефон.

Звонил долго, постепенно выводя Стрельца из оцепенения. Первая мысль была - где я сейчас найду этот чертов телефон? Потом оказалось, что он спит, положив на него голову.

11.

Аркадий Платков не удержался на своей волне.

Будучи азартным человеком, он почему-то не был готов к тому, что может проиграть.

Однажды после его лекции в одном из американских университетов к нему подошли какие-то поляки и предложили аферу.

Речь шла об игорном бизнесе. Способности Аркадия к комбинаторике делали его прекрасной мишенью для шулеров. Умение мгновенно просчитать в уме все стадии

вращения позволяло ему с высокой степенью точности предсказывать выигрышные номера в рулетке.

С непростительной самонадеянностью Аркадий без колебаний взялся за дело, совершенно ему не ведомое. Он не был психологом. Между тем такого рода деятельность требовала исключительной психологической подготовки, даже при блестящих математических способностях. Взамен Аркадий обладал интуицией. Первое время она держала его в тени и относительной скромности ставок.

Его новые друзья являлись мощными психоаналитиками. Аркадий был у них уже шестой. Всех предыдущих скушал Интерпол. В намерения поляков не входила долгоиграющая скромность. Им нужно было много и быстро. Они затеяли большую игру со множеством подставных лиц, результатом которой явился крупный проигрыш Аркадия в карты. После этого молодой толстый лысый друг оказался на крючке.

Долг ему всякий раз оттягивали. Размер реальных ставок умалчивали. Аркадий не мог и предположить, какие сумасшедшие деньги крутятся вокруг его имени. Оно само по себе уже было тотализатором: угадает или нет. Сосчитает или нет. И даже - пристрелят его при выходе из казино или нет. Однажды, когда он уж слишком много угадал и сосчитал, последнее чуть не случилось. Наемный убийца был неверно ориентирован и мастерски продырявил затылок одному из поляков. Тот умер мгновенно.

Аркадий возмутился. Он кричал, что его долг, конечно, велик и погашается очень медленно, но если его убьют, то долг умрет вместе с ним.

Он настаивал, чтобы ему обеспечили личную безопасность, иначе он назовется Тютькиным и уедет куда-нибудь в Кудымкар преподавать арифметику в интернате для умственно отсталых детей. Напомнил друзьям про жену и дочь и про свои перед ними обязанности.

Этого делать не следовало и подавно.

Друзья, которых осталось трое, выслушали его очень внимательно. После этого приставили ему пистолет к виску и нажали на курок.

Оружие оказалось не заряжено, но психическая атака дала хорошие результаты. Аркадий, как слон, не мог оказывать длительного сопротивления. У него расшалилось сердце. Когда ему сказали, что для его жены и дочери еще *не все потеряно*, он сломался и согласился на любые условия.

Друзья сказали, что это очень славно, и помогли Аркадию вылечиться в хорошей больнице. За его счет. О чем они умолчали. Как умалчивали и о том, что свой долг Аркадий перекрыл уже десятикратно.

Узнал Аркадий об этом случайно.

К нему приставили соглядатая - красивую двадцатипятилетнюю девушку, обладавшую всеми необходимыми достоинствами.

Тут поляки дали маху.

Девушка оказалась не только там *все такое*, но еще и образованная. Без этого ее успех у Аркадия был бы сомнителен и краткосрочен. Она была русской. Звали ее Мила. Оказалось, что ничто человеческое ей не чуждо.

Сначала ей понравилось, что Аркадий толстый, лысый и не координированный. Потом она поняла, что он очень способный человек. Через некоторое время до Милы дошло, что Аркадия чудовищно обманывают. Однажды он рассказал ей, что у него есть жена и ребенок, которых он не видел уже год. Ей стало его жалко. Следом же она узнала, что в недавнем прошлом он был значимой фигурой в научном мире. В довершение всего выяснилось, что Мила некоторое время училась в одном классе с младшей сестрой Нади Моисеевой Наташей.

В итоге, Мила влюбилась в Аркадия.

Под воздействием этой слабости Мила однажды приоткрыла Аркадию истинное положение вещей. Аркадий был дилетантом, но не тьюфом. Мгновенно все поняв, он поверил Миле.

В результате Миле надо было выбирать, кем пожертвовать - собой или Аркадием. Вспомнив все хорошее, всплакнув по Наде Моисеевой, а также по Зое и Кате, Мила выбрала Аркадия.

И исчезла, проинформировав кого надо.

К этой ситуации Аркадий был готов. Его мозги последний раз сослужили ему хорошую службу. Рассчитав все с фантастической точностью, Аркадий ввел компаньонов в такой сокрушительный, ни с чем не сравнимый проигрыш, что тем ничего не оставалось делать, как скрываться, ложиться на дно, менять биографии - или бежать в Интерпол. Надо сказать, что последние прожили значительно дольше. Первые - значительно меньше. Среди них, к сожалению, и Мила.

Аркадий, будучи известным ученым, получил защиту у спецслужб. Через консульство, без паспорта, инкогнито и переодетым он вернулся в Россию.

Дома, когда все уже было позади, с ним случился инсульт.

12.

Катя росла очень смелой, решительной и отчаянной девчонкой.

Ее синеватые волосы, то рассыпанные по плечам, то скрученные в тугий хвост, то забранные в две косички, делали ее заметной среди окружающих. Класс, в котором она училась, был большой и дружный. Учителя жаловались, что не справляются с таким количеством сорванцов, и во всех школьных происшествиях подозревали их.

По виду дети были ангелы.

По сути - тоже.

Просто в силу непонятных причин у них было нетривиальное мышление.

Про класс ходили легенды.

Летом в лагере на юге дети в полном составе залезли в пещеру, нашли там скелеты древних людей и какого-то ископаемого птицеящера. Об этом потом писал даже «Сайентифик Америкэн». А о шоковом состоянии начальника лагеря, у которого одним прекрасным утром на сутки исчезли тридцать воспитанников, «Сайентифик Америкэн» умолчал.

Однажды у входа в школу мальчишки заметили двух подозрительных мужиков. За неделю до этого был сильно избит школьный сторож. Ребята узнали тех, кто его бил. Быстренько сбегали за старшеклассниками. Получилась замечательная драка. Своими силами администрация школы не обошлась, завхоз вызвал милицию. Полчаса прекращали битву, потом часа три выясняли, что, собственно, произошло и с чего все началось. Когда разобрались, оказалось, что подозрительные мужики - всамделишные преступники.

Под учительницей биологии взорвали стул. Опять был большой шум. Общественность громко возмущалась и тайно радовалась: учительница биологии была первостепенная сволочь. Все без исключения, даже директор, за глаза ее называли *Шмарой*. Она терроризировала ученический и преподавательский состав. Писала анонимки и доносы. После взрыва из школы ушла, возмущенная, что никто должным образом не отреагировал на безобразие. Все вздохнули свободно.

Взбудоражили школу ложной информацией о срочной всеобщей сдаче анализов. Сорвали уроки, обеспечив тотальную явку в поликлинику учеников от первого до последнего класса. Пришлось анализы брать, что, кстати, потом оказалось на пользу. Подобного энтузиазма при оздоровительных мероприятиях в школе не наблюдалось, а анализы, в принципе, были запланированы.

Когда в классе случалась какая-нибудь очередная буза, директор и завуч собирали на одном из этажей весь школьный коллектив и, выдохнув, устраивали разбор полетов.

Среди плотной массы учеников необычным оттенком волос выделялась одна девочка. Укоряя весь легендарный класс, директор невольно обращался прежде всего к Кате. Она слушала, исполненная смирения, но взгляд не отводила. В ее зеленых глазах смеялся и прыгал чертенок, предвкушая новые проказы.

К слову, пещеру открыла Катя. Мужиков до прихода старшеклассников задержала Катя. Бомбу из магния с марганцовкой в аптечной лаборатории изготовила Катя. Красивое, крупное объявление об отмене уроков и походе в поликлинику тоже написала она.

Правда, этого никто не знал. А кто знал - молчал. Класс был, действительно, дружный.

Отношения с Зоей у Кати были совершенно ровные. Они друг друга очень любили, совсем не ссорились и делились сердечными тайнами.

Однажды, правда, возникло маленькое напряжение. Нашлась добрая женщина, та самая *Шмара*, которая из лучших побуждений поведала Кате, что она не Зоина дочь. Сделала она это при всем классе, рассказывая что-то про генетику и используя Катю с Зоей как пример *непохожести* чужих друг другу людей.

Вечером дома состоялось объяснение. Зоя предвидела нечто подобное и была к нему готова. Конечно, она жалела, что не успела обо всем рассказать раньше, но, в общем, Катя восприняла важную для нее информацию очень внимательно и спокойно. Рассмотрела фотографии Нади. Подошла к зеркалу, сравнила себя с одной из них. Подобрала волосы так, как было на снимке.

- Твоя мама была очень красивая женщина, - мужественно сказала Зоя.

- Я вижу, - Катин взгляд был задумчив и рассеян. - Подожди немного, я сейчас приду.

Катя ушла в свою комнату, переделалась, села за уроки, но отложила тетрадь и вышла к Зое. Зоя посмотрела на Катю с неожиданно пришедшим страхом.

- Как дела в школе? - спросила она в сторону.

- Нет-нет, мама, ты перестань. Ты даже брось так про меня думать. Слышишь?

Зоя села на табурет и закрыла лицо руками. Очень просились слезы.

Катя вдруг заплакала сама, подошла к Зое сзади, обняла ее, свесив руки вниз, и прошептала на ухо что-то ласковое и нежное. Обе помолчали. Потом Катя выпрямилась, достала из кармана бумажку с каким-то рецептом и засмеялась. Инцидент был исчерпан. Через два дня под учительницей биологии взорвался стул.

14.

Было без пяти минут три. Автобус уехал. И это, кажется, все-таки конец.

Первый раз, поссорившись и уйдя, Мальвина не вернулась сразу же, не позвонила от остановки, не кинула в окно снежок. Стрелец стоял и смотрел в колодезь двора.

Погода повернула к зиме. Морозило. Шел снег. Ветер стихал и, стихая, изгибался мягкими спиралями. Легкие и сухие снежинки летали во все стороны, кружились на месте, не касаясь земли. Двор, затуманенный снежной пеленой, напоминал бассейн с мутной водой.

Тут Стрелец вспомнил, что ему снилось.

Тогда, очень давно, и сегодня ночью.

Удивительная вещь - сны. Годовалый младенец, еще не перешагнувший порог реальности, который надолго отделит растущего человека от потустороннего мира, видит во сне странные фантасмагории. В них наряду с образами, теплом, запахом самых близких людей соседствуют призраки и видения. Темные небеса с белыми облаками. Летающие под ними трамваи. Необыкновенные здания с ажурными крышами, из-под которых льется свет. Дети, смотрящие вниз с облаков. И парящие в небесах ангелы с золотыми трубами.

Эти сны - минутные вспышки, данные неизвестно кем и неизвестно что значащие. Повзрослев, человек забывает их. Могут пройти десятки лет, но вдруг встанешь утром - и вспомнишь, что вновь видел во сне ангелов. Потом сон может уйти, а может остаться и развернуться во всей своей новорожденной силе. И засомневаешься: а точно ли ты видел его только что? Много лет назад... *Всю жизнь* назад уже являлись тебе эти небеса, люди и ангелы, а ты понял это лишь сейчас.

А завтра могут вернуться другие сны. Из трех, восьми, пятнадцатилетнего возраста. Оживут вдруг странные видения разных лет, смысл которых тревожаще-туманен и при этом почти понятен, вот только одно усилие... И вновь кажется, что ты видел все эти сны минувшей ночью. Но нет, многое ты помнил и вчера, кое-что - ты точно это знаешь! - даже пересказывал когда-то матери, сестре, друзьям в школе...

И в то же время - оно точно снилось тебе нынче. Вместе с новорожденными ангелами. Любимой игрушкой в детском саду. Первой учительницей. Загадочной темной фигурой прапрадеда, умершего сто лет назад. Трамваями под облаками. И девушкой, в которую был влюблен в восемнадцать лет.

Стрелец вспомнил, что сегодня он вновь видел тот же сон, что накануне его женьбы на Вале.

Скоро начнутся соревнования, и надо попробовать воду. Поначалу это вроде бы бассейн в институте, потом громадный дворец с трибунами и, наконец, карьер в лесу. Он стоит на стартовой тумбе, размышляя, что лучше - спуститься по лесенке или нырнуть. Выбирает первый вариант, но оказывается, что это не тумба, а пятиметровая вышка, и ступеней вниз почему-то нет. Мгновенно всплывают все детские страхи перед ныряльной вышкой. Он подходит к краю и видит далеко под собой темную поверхность карьерной воды. Он уговаривает себя - времени нет, десять лет назад он преодолел этот страх, сотни раз прыгал с вышек, он не боится... Отчаянно вскрикнув, он летит вниз. Вода принимает его, теплая, густая и почти неощутимая. Стрелец погружается на дно. В воде - жизнь. Сотни рыбок, жучков и ракушек медленно двигаются по всем направлениям и похожи на снегопад. Кончается воздух, но до поверхности очень далеко. Стрелец знает, что не успеет. Тогда он зажмуривается что есть силы, крестится, выдыхает до хруста внутри и - вдыхает. И вновь выдыхает. И вновь вдыхает. Это чудо. Заветная мечта каждого пловца - дышать под водой. Не веря своему счастью, он плывет куда-то в водоросли, продолжая дышать все свободнее и свободнее. Он плывет наверх, но оказывается, что становится глубже. Темнее. Сумрачнее. Свет то ли вышек, то ли солнца, достающий его с поверхности, меркнет, а впереди мерцает другой источник. Он зеленовато-синий, такого не бывает. Стрелец вдруг видит, что не плывет, а

идет по дну. Или уже не по дну? Рельеф напоминает подводные скалы, прибрежные холмы и институтские корпуса. Сияние, струящееся откуда-то снизу, уводит за собой, но вдруг из-за поворота выходит Надя. Она одета повседневно, с портфелем, такая, какой он видел ее в последний раз. Она подходит к нему, спокойно кивает, говорит что-то неслышно. Повернувшись ей вслед, Петр видит ее удаляющейся вверх. Он вспоминает, что ему тоже туда. Что это вода и страшная глубина. Что он не может здесь дышать.

И тут же - не смог. И тут же утонул.

И проснулся.

Тогда, очень давно, он позвонил Вале и сказал, что жениться не придет. Сон он забыл, но неожиданно стал бояться утонуть.

Во второй раз, сегодня, он схватил телефонную трубку, на которой спал, открыл ее и услышал Катин голос. Сон он опять забыл.

Но теперь, когда она ушла, вспомнил.

15.

Директор аптеки Сурен Мисробович Геворкян любил полных русских женщин. Он был благородных кровей, чрезвычайно импозантный, хотя и пожилой. Его затяжной роман с Зоей начался с неторопливого классического ухаживания. Цветы и рестораны, театры и красивые вещи Кате, дорогие духи и сладкие вина - далеко не полный джентльменский арсенал опытного армянина.

Катя была довольна и воспринимала все это как игру.

Зоя была настороженна, но относилась к процессу положительно.

Платков канул в лету уже год назад, и единственная весточка, дошедшая от него за это время, не предвещала ничего путного. Младшая сестра Нади Моисеевой, Наташа, любившая племянницу и время от времени общавшаяся с Зоей, рассказала, что знала, об Аркадии, Миле и роде их занятий.

Наташа была геологом, моталась по экспедициям, поддерживать постоянный контакт ни с родственниками, ни с подругами не могла.

Поэтому знала она немного.

Картина, нарисованная Зоей, была далека от жестокой реальности. Зоя думала, что Аркадий просто увлекся Милой. Подробности ее не интересовали, это было не в первый раз. Она даже не расстроилась. Наоборот, происходящее за океаном давало ей моральное право подумать о себе.

Катя к отцу относилась сдержанно. Однако, когда он ей вжарил за пескаря - а это был один-единственный случай, чтобы Аркадий собственноручно занялся воспитанием дочери, - Катя произнесла неожиданный спич, что какой он пловец - это всем известно, а она точно будет не такая.

Аркадий оторопел. Но девочка была больна и говорила тихим голосом с закрытыми глазами. Он решил, что Катя бредит. Ему стало совестно, он убрал ремень. После этого они общались мало. Вскоре Аркадий надолго уехал за границу. Злопамятная Катя и в глаза, и за глаза называла его «Аркадий Михалыч».

Армянин Кате нравился. Он подарил ей прекрасный джинсовый сарафан. Книги с описанием популярных химических опытов. Гребни под тон ее волос. Набор химической посуды. Маленький турецкий кинжал для разрезания бумаги - очень острый и отнюдь не безопасный.

Он хорошо относился к Зоей, что тоже было важно.

Дружба Сурена Мисробовича и Зои продолжалась больше года. Но однажды он исчез на неделю. Потом появился мрачнее тучи, собрал совещание в аптеке и заявил, что навсегда уезжает из страны. Вечером, зайдя к Зое с Катей домой, Геворкян поведал печальную историю о кончине во Франции брата-миллионера и о том, что все миллионы завещаны ему. С одним условием: он должен жениться на вдове покойного брата. Чтобы дело, в которое вложены все деньги, осталось семейным.

Это было жестоко, но это была жизнь. Аркадий со своими женщинами, Геворкян со своими миллионами, а Зоя и Катя - друг с другом.

Геворкян слал из Франции потрясающие подарки Зое, но она их не принимала.

Вскоре случились и другие события.

Как-то стало плохо одному из *больных*, пришедших в аптеку за пирамидоном. Продавщица отдела куда-то отошла, но Зоя через открытую дверь лаборатории видела, что мужчина привалился к прилавку, и спасла его, вовремя дав корвалол. Через неделю спасенный, оказавшийся директором автобазы, предложил Зое и Кате руку и сердце. Ситуация выглядела почти несерьезно. У директора автобазы было двое детей, но не было жены – она убежала с каким-то генералом. Дети оказались взрослые - двадцать и восемнадцать; во всех вопросах, кроме финансов, самостоятельные, а старшая девочка уже успела развестись. Финансы у директора автобазы были в норме, а в Зою он влюбился сразу же. И чуть не отдал ей сердце (а Богу душу) буквально.

Все бы ничего, но по понятиям Кати он был *больным*. Катя поведала Зое о своей классификации, и директору отказали. Впрочем, потом некоторое время Зоя жалела его и даже пару раз набирала телефонный номер. Подходила дочь и говорила, что папа занят, а ей сейчас должны позвонить, и нужен телефон, не могла бы уважаемая позвонить завтра или послезавтра или как-нибудь вообще...

Короче говоря - не судьба.

А потом пришла весть из Америки - случились большие неприятности: Аркадий скрывается, Мила убита, многие другие тоже, жизни Кати и Зои угрожает опасность.

В этот день Зоя малодушно пожалела, что связалась с Аркадием.

В полуобморочном состоянии она пришла на работу, каждую секунду ожидая роковой черной иномарки, из которой выйдут вежливые люди и попросят у нее разрешения с ней поговорить.

По пути ничего не случилось. Тогда она стала волноваться за тринадцатилетнюю Катю. Она позвонила в школу, срочно вызвала девочку к телефону, велела ей одеваться и ждать у канцелярии.

Ничего не случилось опять. Они благополучно дошли до аптеки, где, по крайней мере, была иллюзия безопасности.

Кате Зоя ничего не сказала.

Ко второй половине дня страх немного улегся. Ему на смену пришла способность размышлять: вероятно, не все так плохо, никто с плеча рубить не будет. В крайнем случае, ей позвонят и что-то спросят...

И еще - более всего - грела надежда на простой русский *авось*.

Зоя сумела усадить себя за работу, а тоненькая синеволосая Катя, в дяди Сурена джинсовом сарафане, белой блузке и красивом шарфике, стала смотреть в окно.

На улице темнело, зажигались огни, текла в обе стороны широкая многополосная дорога. Было очень красиво. Катя любила наблюдать, как сгущаются сумерки и дорога превращается в огненную реку. Боковым зрением она заметила, что из-за угла аптеки выехала большая темная иномарка. Залюбовавшись плавно крадущейся машиной, де-

вочка начала следить за ней, обошла стол, за которым делала уроки, и прильнула к высокому окну, не заботясь о том, что отлично видна с улицы во весь рост.

Машина, понемногу набирая скорость, проехала перед Катей, чтобы с некрутого поворота вписаться в траекторию главной дороги.

Внезапно что-то случилось.

Посыпались искры, из-под капота повалил дым.

Когда дым рассеялся, стало видно, что автомобиль, так и не повернув, на солидной скорости врезался в первый попавшийся столб.

16.

Надя Моисеева в ранней юности училась играть на скрипке. В музыкальной школе считали, что профессиональное будущее ей обеспечено.

Это было не так.

Скрипка являлась скорее выражением ее стиля, нежели увлечением или призванием. Играла Надя, действительно, неплохо - чисто и нежно, хотя и странно тихим звуком. Иногда в больших залах ее почти не было слышно, но скрипка ей так *шла*, что если случался какой-нибудь важный концерт, конкурс, съезд - Надя выступала обязательно.

В школьном оркестре Надя сидела у самого края сцены, ближе всех к дирижеру.

У Нади был абсолютный слух. Он, как ни странно, и мешал ей всерьез заниматься музыкой.

А еще - устойчивые и несколько своеобразные вкусы.

Старинный провинциальный город в верховьях Волги, в котором Надя родилась и росла, был зимой снежен, летом жарок, весной и осенью мокр и слякотен. В центре высились белокаменные дома, стояло множество церквей, заметных далеко из-за реки. Очень красиво стелилась и вилась ярусами над Волгой набережная. По ней Надя любила гулять во все времена года.

Родилась Надя в конце января. Ее характер был скорее снежен, нежели жарок, и уж совершенно не мокр и не слякотен.

Окончив музыкальную школу, Надя подарила скрипку младшей сестре Наташе, а та однажды забыла ее в троллейбусе.

Родители обращались в бюро находок, но скрипки там не оказалось.

Надя была поздним ребенком. Ее сестра и подавно. Немолодым родителям было тяжело с маленькой Наташей, поэтому Надя очень рано стала самостоятельной, отвечала за себя сполна и являлась хорошей помощницей.

Это, в принципе, ее устраивало. Никто не лез к ней в душу и не мешал учиться, чему нравится, любить, что нравится, одеваться, как нравится.

Она любила ретро. В то время оно было не в моде, поэтому большинство своих платьев, костюмов и шляпок Надя придумывала и конструировала сама.

Даже девочкой, в пионерской форме, но с неожиданным черным бантом на затылке, сидя слева от дирижера, изящная и тонкая, как скрипка, она сразу же привлекала внимание зала и волей-неволей задавала высокий тон.

То же самое происходило и впоследствии.

Являться центром внимания Наде не нравилось. Комфорта в этом она не находила. Нрава Надя была довольно замкнутого, ей часто хотелось спрятаться и провести время в одиночестве.

О потерянной скрипке Надя не горевала. Если скрипка не вернулась, говорила она, значит, ее нашел тот, кому она действительно нужна. Пусть она находится в чьих-то заинтересованных руках, нежели лежит в шкафу.

После десятого класса Надя год работала, а потом поехала в Москву поступать в институт. Отпустили ее спокойно. Во-первых, до Москвы было всего сто шестьдесят километров, туда шли электрички и все проходящие поезда. Во-вторых, младшей сестре исполнилось двенадцать. Она давала перцу мальчишкам, родителям и учителям. Наташей надо было заниматься серьезно, а благополучная старшая дочь опасений не вызывала. В-третьих, Надя как-то ни у кого и не спрашивала.

Будучи серебряной медалисткой, она могла не бояться затянувшегося абитуриентства.

Выбранный ею институт был одним из нескольких имевшихся у нее вариантов. И, пожалуй, первым звеном в странной цепи случайностей, объяснения которым нет.

Математика не являлась для Нади смыслом жизни, но доставляла большую отраду.

Ей нравились красивые стройные цифры и уравнения. В них была непридуманная гармония. Сей мир зримой, абсолютной, объективной абстракции существовал сам по себе, невзирая ни на какие страсти и ни на чьи желания.

Надя была довольна, что ее приняли. Вернувшись после объявления результатов домой, она сообщила о своем поступлении родным.

На вечер «Знакомьтесь - первый курс», ознаменовавший начало учебного года, Надя пришла в коротком шоколадно-коричневом платье, белой шляпке и туфлях на каблучке. С ней напросилась Наташа, стриженная под мальчика, в рубашке и джинсах.

Новоиспеченным студентам торжественно вручались билеты. Когда на сцену поднялась Надя, зал отреагировал заинтересованными аплодисментами.

Присутствие младшей сестры неожиданно оказалось полезным. Девочка-подросток мастерски отшивала бывалых институтских орлов, слетевшихся поохотиться на молоденьких студенток и принявшихся беззастенчиво втирать Наде очки.

Так ни с кем и не *познакомившись*, проведя хороший вечер, сестры уехали последней электричкой домой, а после выходных началась учеба.

Дни заполнялись одинаково плотно. Утром - лекции и семинары, потом практикум или библиотека, вечером - общежитие, быт, уроки.

Через пару месяцев определились первые симпатии.

На Надю с обожанием смотрел известный пловец, принятый на математический за спортивные достижения. Хороший и симпатичный парень, но совершенно без мозгов. Он не решался открыто ухаживать за Надей, но все время оказывался где-то поблизости. Это было даже приятно. Если б он вдруг исчез, Надя бы расстроилась. Если бы он пошел на сближение - она б его прогнала.

А один тип ее недолюбливал. Он был своего рода уникам. Интеллект чемпиона мира по шахматам сочетался с интересной полуеврейской внешностью и странными комплексами. Несколько раз он отпускал что-то ехидное вслед Наде по поводу ее ретро. Особенно когда она надевала платье «Знакомьтесь, первый курс».

- Послушай, сколько будет: квадратный корень девяти тысяч шестисот пятидесяти двух? - как-то после одного из его выпадов не удержалась Надя, резко повернувшись.

- Девяносто восемь, запятая, два, четыре, четыре, пять, девять, два... - он опешил и на вопрос ответил чисто автоматически.

- Спасибо. Четверка. А у тебя вопросы есть? - Надя приблизилась к нему почти вплотную, и ее снежные сине-серые глаза метнули молнию.

- Н-нет... Есть... А что?..

- Это твой вопрос? Если да, то ответ - ничего. Ясно? Цифры считай! - отчеканила Надя.

И ушла походкой манекенщицы.

- А почему четверка? - донеслось ей вслед.

После этого огневого контакта они понемногу познакомились. Выяснилось, что делить, в общем-то, нечего, и оба они, как говорится, нормальные ребята.

Несколько свободнее стал чувствовать себя и пловец. Во всяком случае, его интерес к Наде уже не выражался столь прямолинейно, а сам он оказался неплохим парнем и интересным собеседником.

Так, незаметно, втроем они и подружились.

Первый семестр подходил к концу. Пловец плавал. Остальные учились.

На каких-то отчетных соревнованиях, проходивших в институтском бассейне под самую сессию, математик поскользнулся на скользком кафеле, упал в глубокую воду и стал тонуть. Пловец его спас.

Это было смешно и трогательно.

Наде нравилось, что у нее такие друзья.

17.

Стрелец схватил телефонную трубку, на которой спал, открыл ее и услышал Катин голос:

- Ты где?

- Да, вроде бы, дома... - он осмотрелся. Телевизор и елка освещали квартиру причудливо, и он с пьяного сна не был уверен в правильности ответа. - А ты?..

- Ты оглох? Я звоню, ногами колочу, тарарам на весь подъезд подняла, черт побери!

- Слушай, без чертей, сколько времени?.. - он начал просыпаться, силился сообразить, что происходит и что должно происходить.

- Я уже целый час хожу кругами! Приехала - было полвторого... У тебя много денег по мобильному болтать?

- Да где ты?

- Где-где... В подъезде. - Эти Мальвинины импровизации на фольклорные темы всегда выводили его из себя. А сейчас он в себя, наоборот, пришел, все вспомнил и закричал:

- Я же тебя жду с семи часов! С ума схожу! Где ты шатаешься?!

- Я тут, - и дала отбой.

Держась за голову, Стрелец встал. Раздвигая руками падающие стены, добрал до прихожей. Открыл настежь входную дверь. Пошел в ванную и сунул голову под ледяную воду.

Стало легче. Реальность, наконец, вошла в сознание. А на уровне подсознания колыхалась какая-то только что снившаяся нереальность.

Так простоял он минут пять, закрыв глаза. Нет, не вспомнилось, но штормить почти перестало.

Дверь в ванную отворилась. Перед ним возникла Мальвина.

Стрелец стоял сгорбленный, мокрый и жалкий, но почти не пьяный.

Удалось даже навести на нее резкость.

Мальвина была в полной боевой раскраске, при параде, слегка навеселе и очень красивая. Она скинула дубленку на пол и осталась в черном коктейльном платье и тонких кожаных сапожках на каблучке. В черно-синих волосах сверкали какие-то звезды. На узком запястье мерцал золотой браслет. Между пальцами кипело шампанское.

- С Новым годом!

- Здравьете! Вспомнили! - он обмотал мокрое полотенце вокруг головы и взял бокал.

- А что такого? - Мальвина чокнулась с ним, выпила до дна и подставила щеку для поцелуя. Стрелец тоже выпил и послушно поцеловал ее, попав, правда, за ухо. Там пахло пряной горьковатой свежестью. От этого аромата и от шампанского вновь закружилась голова. Он зашатался и, наверное, упал бы, но Мальвина вовремя обняла его за плечи и удержала. Как раненого бойца с линии фронта, с перевязанной головой, вынесла Стрельца Мальвина из прихожей в комнату, где усадила на диван. Сама села напротив, закурила от свечи, положила ногу на ногу и откинулась в кресле.

- Ну-с, чего это мы напимшись?

- Мальвина, где ты была?

- Приехал дядя Сурен, - ответила она как нечто само собой разумеющееся.

- Какой дядя Сурен? - он сдернул с головы и выбросил в прихожую дурацкое мокрое полотенце.

- Как какой? Армянин. Француз. Миллионер.

- И что?

- Ничего! - Мальвина изящно затягивалась тоненькой дамской сигаретой и покачивала ногой во французско-армянско-миллионерском сапоге. - Зашли в ресторан.

У Мальвины были потрясающе красивые ноги. Тонкие и прямые, скульптурно округленные, они в настоящий момент были обтянуты дорогим прозрачным капроном безо всякой там дурацкой лайкры. Стрельцу ее ноги очень нравились. Он часто любовался ими и всей хорошенькой Мальвиной. Как экспонатом. Как прекрасным изваянием. При этом ни Мальвина, ни ее колени его не возбуждали. Он не мог и представить себе, как он дотрагивается до ее ноги, тела, груди. Он любил ее, бесспорно, но она была маленькая, она была совсем еще девчонка, она была так похожа на мать, и все ее штучки были ни при чем. Он за нее очень волновался. Со стороны казалось - ревнует.

- Весь этот *прикид* тоже оттуда?

- Да. Он меня очень любит.

- Вот как?..

- Слушай, мы будем играть сцену ревности? Я все расскажу тебе завтра. А сейчас - я здесь. Посмотри - только три часа. Три часа новому тысячелетию. Это же повод выпить!

Она налила себе и Стрельцу шампанского. Тот сумрачно молчал.

- Милый и дорогой Петр Иванович! Я поздравляю тебя. Правда. Прости меня за то, что я такая дурная. За тот тарарам, который я всегда приношу с собой. Мы же - вот они. Вместе. И нам хорошо. За нас? - тосты Мальвина произносить умела.

- Эх ты!.. - и после этого они выпили.

Бокалы Стрелец выбросил в форточку. Послышался хрустальный звон.

- Это тебе, - сказал Петр Иванович и достал из шкафа шляпную коробку. В ней было произведение искусства. Остроконечная шапка на русский манер с очень дорогим дымчатым мехом и велюровой верхушкой.

Мальвина не умела выражать бурную радость. Ее надо было знать: если ей что-то по-настоящему нравилось, она бледнела и напряженно молчала. Создавалось впечат-

ление, что она очень голодна и хочет *это* съесть. С подобным восторгом она смотрела четыре года назад в окно, когда он врезался в столб. Так точно гляделась она сейчас в зеркало, где отражалась в необыкновенной новой шапке и всем своим новогоднем, очень красивом и ей идущем.

Они еще выпили шампанского за шапку, «чтоб носилась». Она заставила его надеть костюм:

- Если бы ты видел дядю Сурена... - был ее аргумент за костюм.

- Еще чего не хватало!.. - был его аргумент за дядю Сурена.

Потом ели торт и пили кофе. Танцевали. Устали и расселись по местам.

Было пять часов. Салют и иллюминация на улице почти прекратились. Телевизор мешал, и они его выключили. В комнату вошло предутреннее ощущение.

- Вот и все... Прошел новый год... - сказала Мальвина. - А я-то ничего тебе и не подарила...

- Лучший мой подарочек - это ты, - сострил Стрелец не подумав.

Некоторое время тянулась пауза. Он чувствовал, как Мальвина буравит темноту.

- Ты серьезно? - наконец, произнесла она повисшие слова.

Он смолчал, не зная, что ответить. Она уже - большая и имеет право задавать вопросы. Другое дело, что он уже - почти старик, и... Да что там «и», он любит ее, какое может быть «и»!

И - все же. Главное было не в годах.

Она встала. Подошла к нему, опустилась на подлокотник кресла.

- Давай будем с тобой, как индеец с бледнолицым.

- Как это?

- А вот так...

Она взяла его руку, положила к себе на колено.

И так пристально, так оценивающе смотрела на него.

Ладонь замерла на ее ноге. Под тонким капроном ощущалась прохладная и теплая гладкая кожа. Она сделала невидимое движение, сапожок упал на пол, потом другой. Мальвина легко и невесомо соскользнула по подлокотнику к нему на колени. Подтянула под себя ноги, обняла Петра за шею, прильнув к нему всем телом.

И тогда тихо, отчетливо и твердо он сказал:

- Нет. Так мы с тобой не будем.

Долго-долго она еще сидела. Потом поднялась, гибкая, как кошка, сняла шапку и надела ее на недопитую бутылку шампанского.

- Давай спать, - сказала она как-то уж очень спокойно.

И ушла в соседнюю комнату, где располагалась всегда, оставаясь у него.

Скоро там все затихло.

Стрелец некоторое время походил по комнате, положив ладони на затылок, пытался обдумать, что же произошло, но мысли ускользали от него. Тревожно виднелось что-то из забытого сна, а что - он не мог ухватить.

Наконец, он тоже лег и мгновенно провалился без сновидений.

Проспал он до половины третьего. Из Мальвиной комнаты раздавалось позвякивание. Он встал, оделся и вошел к ней.

- Стучаться надо, - без приветствия нагрубил она.

- Извини. Как ты?

Мальвина пожала плечами.

Она была в платье, но без колготок и босиком. В руке она держала чашку. Допила последний глоток кофе, поставила чашку на тумбочку. Взглянула на него в зеркало. Взгляд был взрослый. Стрелец подошел к ней сзади, положил ей руки на плечи.

- С Новым годом.

- Не надо, - она выкрутилась из-под его рук, принесла из прихожей шарф и дубленку, секунду подумала, взяла с постели колготки и сунула их в карман.

- Мальвина, ты что? Подожди! - Стрелец смотрел на девушку жестко и осуждающе, с трудом сдерживая отчаяние. - Ты же обещала все рассказать!

- Передумала.

Мальвина накрутила шарф вокруг шеи, прямо на платье накинула дубленку, влезла голыми ногами в сапоги и хлопнула дверью.

(II)

18.

Аркадий вернулся в Москву ранним утром. Накануне погода бушевала, аэропорты были закрыты, посадили их в Питере и велели ждать. Что в положении Аркадия было самое то. Он решил добираться на поезде. Удивительно, но с этого момента все сложилось гладко. Спецслужбы, которые вызволили его из более чем щекотливой ситуации, распростились с ним в Пулкове, посадили в черную машину и отправили на Московский вокзал. Из машины удалось договориться о билете на какой-то не очень заметный поезд. Когда Аркадий пришел в зал интуриста, минуя длинные хвосты в обычных кассах из жаждущих уехать, его билет уже лежал в отдельной корочке. Поезд по волшебству отходил через десять минут. Столь точные расчеты спецслужб, или, может быть, удача Аркадия, или усилия ангела-хранителя (что по сути одно и то же) привели к тому, что в половину шестого следующего утра Аркадий уже ехал на такси по Москве. О том, что домой, может быть, являться не надо, он думал, но иное решение не приходило. Он устал, измучился, и ему уже было все равно.

Войдя в парадное, Аркадий обнаружил на внутренней двери новый электронный домофон. Набрав номер своей квартиры, он не дождался ответа. Он не знал, что Зоя в целях экономии не провела в квартиру трубку, а сложный восьмизначный код подобрать было невозможно. Аркадий подумал, что, может быть, ему все-таки следовало позвонить... Раз уж он все равно здесь, то какая разница... И телефон могли прослушать, и за квартирой наблюдать. Судьба, однако, и тут его хранила. Живущая на первом этаже тетя Женя, как хороший хозяин, выгнала в эту рань свою собаку погулять. Аркадий успел притаиться в парадном, а когда собака с радостным визгом пронеслась мимо, ударив лапами дверь на улицу, Аркадий подставил в щель свой ботинок. Подождал, когда тетя Женя защелкнет все свои замки, зашел в подъезд и поднялся на третий этаж.

Тут удача и кончилась.

- Здравствуйте, Аркадий Михалыч! С Днем космонавтики! - раздалось снизу из лутьмы.

Говорили басом. Сердце екнуло и неуютно заныло. Он развернулся всем корпусом на голос. На нижнюю площадку в луч лампы выплыла фигура в цветастом байковом халате.

Это была бдительная тетя Женя.

Она добровольно несла караульную службу в подъезде, так как делать ей было больше нечего. Изучив нехитрые уловки бомжей, она четко отслеживала каждое от-

крывание и закрывание дверей. Отвлекающий маневр с собакой и замками был использован многократно. Всякий раз эффективно. В данном случае - тоже.

- Здравствуй, тетя Женя. Спасибо... Поздравляю, охрана на уровне...- с трудом улыбнулся Аркадий. - Мои дома?

- Не видела два дня. Ладно, с приездом, - с неким подтекстом махнула рукой тетя Женя и ушла.

Аркадий поднялся к себе на этаж. Достал ключи, открыл дверь. Первое, что он почувствовал, переступив порог собственного дома, не считая знакомого запаха родной квартиры, теплого и чистого жилья, смеси духов жены и дочери, был холодный ствол охотничьего ружья, деликатно уткнувшийся под ребра.

- Руки!.. - прошептали из темноты.

Он поднял руки.

- Повернись.

Он повернулся.

- Закрой дверь.

Он закрыл.

Щелкнул выключатель.

- О, Господи...

Это была Зоя. Она очень изменилась и - в лучшую сторону. С годами ее полнота ушла, а пришло то, что на Руси называлось дородством и статью.

Впрочем, Аркадию сейчас было не до этого. Смотря на Зою сквозь мчащиеся в голове мысли, он прислонился к двери и медленно опустил руки.

- Зоя, это я... - простонал он.

Зоя не была воякой. Силы ей давало отчаяние и какая-то надежда. А сейчас отчаяние нахлынуло еще больше, а надежда на миг погасла. Вернулся... И теперь уж, точно, все они повязаны одной веревочкой...

Ружье выпало у нее из рук, ударилось об пол и выстрелило. Дробовой заряд ударил по двери ванной, прошел фанеру. Было слышно, как дробинки рикошетят по кафелю.

- Мама, стреляют! - раздался радостный крик из маленькой комнаты. Ударом ноги вылетела дверь. На пороге возникла маленькая разбойница, растрепанная, в пижаме, с кинжалом в руке. Девочка прыгнула в прихожую и увидела Аркадия. Секунд пять она стояла и смотрела на него, наклонив голову. Затем опустила кинжал и сказала:

- А, это ты... Чего стреляли-то? - и ушла к себе.

Аркадию было достаточно. В груди вспыхнул огонь и ударил в голову. Он даже не застонал. Тихо закрыл глаза и медленно сполз по стене на пол.

Скорая увезла его в больницу. Инсульт, паралич, нетрудоспособность, замедленная реакция - вот что явилось главным итогом применения его блестящего таланта.

В больнице он пробыл три месяца. Потом Зоя забрала его домой. Его друзья не объявлялись. Зоя позвонила в милицию и все, как есть, рассказала. Там заявили, что информацию приняли, бояться нечего, они проверят.

Проверили. Ничего, конечно, не узнали, но Зое подтвердили, что все в порядке.

Зоя успокоилась. Попросила Катю помочь ей ухаживать за Аркадием.

Катя сказала, что она все понимает. Однако особенной инициативы не проявляла.

От удара Аркадию оправиться так и не пришлось. Он стал очень подозрительным, раздражительным и оттого еще более беспомощным. Он сам себя вел к могиле. Он чувствовал, что у Зои свои дела, у Кати свои, а ему в этих делах места нет.

Большим потрясением для Аркадия стало известие о гибели Милы. Еще одним - что у него нет ни копейки, ни цента, ни тугрика. Все это крутилось по нелегальным каналам, принадлежащим его друзьям, и было конфисковано как незаконное.

И, наконец, однажды в окно он увидел Катю, выходящую из красивого темного БМВ. Девочка была хорошо одета, весела, выглядела, как шестнадцатилетняя. Чувствовалось, что за ней есть присмотр и уход, и что у нее есть защита.

Но все равно, в четырнадцать лет, с каким-то подлецом на БМВ... Аркадий приложил большие усилия, чтобы увидеть, кто за рулем.

И это ему удалось.

19.

Петя имел привычку пристегиваться ремнями безопасности. К тому же скорость была невысока, километров сорок, серьезных последствий для машины и для водителя не ожидалось.

Последствия были в другом.

Девочка в витрине аптеки... Нет, этого не может быть.

Она замерла, прильнув к окну. В глазах застыли ужас и восторг.

Петр вышел из машины и стоял, опершись на покореженный капот. Девочка перевела взгляд с машины на него. В глазах ее возникло какое-то новое напряжение, шла непонятная реакция. И вдруг она заулыбалась, стала махать ему рукой, что-то говорить, показывать указательный палец на правой руке... Нет, Петр не мог понять, что все это значит.

Внезапно кто-то сильно потянул девочку от окна. На ее месте показалась высокая полная светловолосая дама и увидела припечатанную к столбу машину. Она схватилась за виски, лицо ее вмиг похудело от страха, она быстро ушла назад. Через мгновение свет погас. Больше ничего не происходило. Петр закрыл машину, прогулялся вокруг аптеки, зашел внутрь.

Покупатели были заняты собой, никому дела не было до него и его машины. Он рассматривал витамины, но вдруг поймал на себе чей-то взгляд. В щели между прилавками светился любопытный зеленый глаз. Петр подошел к нему, присел и спросил:

- Ну как?

- Здорово. Бац - и готово. Ты испугался?

- Не успел.

- И я. Скажи, ты тоже больной?

Вопрос был неожиданный и в то же время очень точный. Что значит - *тоже* больной? А кто еще? Либо так: почему сразу *больной*? Тут был какой-то подвох.

Петя сказал:

- Подожди, не исчезай. Я сейчас.

Он выпрямился. Ситуацию надо было обдумать. Размышляя, он разглядывал витрины. Со стороны казалось, что респектабельный господин, только что угробивший машину, зашел утешиться витаминами и гематогеном. Ничего подозрительного. Петя осмотрелся. На него по-прежнему никто не обращал внимания. Странность положения ощущал только он.

Кстати, гематоген - это идея.

Петя купил плитку, просунул ее в щель и ответил вопросом на вопрос:

- А ты?

На той стороне возникла пауза.

Реакция была необычная. Катя не ожидала быстрого контрнаступления. Это ей понравилось. Она взяла гематоген, развернула, разломала на две части, тоненькими пальчиками вернула половинку обратно.

- Я - да, - пошутила она.

Петя взял угощение и поддержал шутку:

- Ну, и я - да.

Зеленый глаз хихикнул. Контакт состоялся. Незримо и неслышно качнулся маятник урочных часов, и пошел обратный отсчет времени. Впрочем, этого никто не знал.

- Простите, я могу вам чем-нибудь помочь?

Петя встал с корточек. Перед ним стояла женщина, которую он видел в окне. На ее лице застыл испуг. Петя пожал плечами:

- Нет, спасибо...

- Вы хотите со мной поговорить? - продолжала женщина непонятное наступление, - у вас есть ко мне вопросы?

- С чего вы взяли? Нет.

- Точно? Вы уверены?

- Да...

- Вы обещаете? - женщина наседала на него с непонятной настойчивостью.

- Что? - он деликатно отступил.

- Что вы сейчас же отсюда выйдете, и я никогда вас больше не увижу?

- Ну... в принципе да... Разве что так же вот случайно... Послушайте, в чем дело?

- Ни в чем. Пожалуйста, не приходите больше сюда. Я прошу вас. - Она повернулась и ушла, в белом халате, большая и статная. Пете показалось, что она кого-то ему напоминает, но как ни силился, вспомнить он не мог. Память была его слабым местом.

- Подожди, - прошелестело снизу. - Вот, на.

В его руку упала скрученная в трубочку обертка от гематогена. На обратной стороне ломким подростковым почерком было выведено: *«Бледнолицего Хорька приветствует Черная Пантера. Мама боится злого мужика. Не обижай ее. Напиши телефон».*

Петя просунул в щель визитку. Послышался удаляющийся шорох, который быстро стих.

Он вышел на улицу.

Его машину уже охранял сержант ГИБДД. «Граждане и бандиты, дайте денег», - расшифровывалась сия аббревиатура. Сержант козырнул и представился. Попросил документы. Гражданин и бандит Петя достал права, сверху положил бумажку с одним нулем.

Сержанту, на ремонт столба.

Милиционер вновь козырнул, отдал документы, быстренько нацарапал справочку и отбыл восвояси. Петя открыл машину. Первоклассный двигатель завелся сразу, хоть внизу что-то и вытекло. Постукивая и потрескивая, Петя доехал домой и позвонил в автосервис.

Он помнил кафе, диплом, девочку и кошку.

Но что это была та же самая Катя - в толк не шло. Это с одной стороны.

Почему она так похожа на Надю - в толк не шло и подавно. Это с другой стороны.

На самом деле объяснение существовало - единственное и очень простое. Но Петр упорно гнал его от себя. Слишком много случайностей было в этой простоте. Слишком все сходилось. Слишком уж тесен оказывался мир. Получалась не жизнь, а

какая-то мелодрама: если испуганная непонятно чем женщина - Зоя, жена Аркадия Платкова, то Черная Пантера Катя с кошкой и гематогеном - Надина дочь...

- Привет, Хорек, это я, Пантера, - раздался из звонившей телефонной трубки страшный шепот. - Проверка связи.

- Привет. Ты не можешь говорить?

- Могу, только тихо. А что?

- Твою маму зовут Зоя?

- Да, ты ее знаешь?

- А папу Аркадий? - последний вопрос был уже бессмысленным.

Трубка замялась.

- Ну, вообще-то... Почти.

- Как это - почти?

- Аркадий Михалыч.

- Вот оно что! А почему так официально?

- Тут дело в пескаре. И потом его уже нет.

- Кого, пескаря?

- Аркадия Михалыча. Полтора года. Пескаря тоже.

Становилось непонятно, хотя и интересно.

- А где они?

- Аркадий Михалыч за границей. У него там ранчо. А пескарь в пруду.

- Кого мама-то боится?

- Злого мужика. Он должен приехать от Аркадия Михайловича и спросить, как мы тут живем.

- Послушай, Катя, ты думаешь, она приняла меня за злого мужика?

- Не знаю. Она тут ходит, я больше не могу говорить. Пока, Хорек!

- Подожди. Не называй меня Хорьком, хорошо?

- А как?

- Ну, придумай что-нибудь.

- Хорошо.

- Ты еще позвонишь?

- Приходи завтра к школе номер десять шестьдесят пять. В три. У меня закончатся уроки. Только посмотри, нет ли мамы поблизости. Пока.

Петя повесил трубку и задумался.

20.

Все получилось так стремительно, что Надя ничего не успела осознать. Только вчера, казалось бы, жалкий и смешной Платков вытирался на краю бассейна большим махровым полотенцем, Надя смеялась, стоя на трибуне, а Петр смущенно ретировался в раздевалку.

- Ты что же это, спаситель? Я тебе приготовила медаль, а ты сбежал! - впервые сама нашла она его на следующий день.

- Надя, мне неловко. Извини. Я не хочу об этом говорить. Ты лучше скажи, как я вчера плыл? - Петя отводил глаза от ее лица. Казалось, оно спит его.

- По-моему, в конце ты устал. А так - здорово. Я, правда, ничего не понимаю...

- Восемьсот - не моя дистанция. Я все-таки спринтер.

- «На десять тысяч я рванул, как на пятьсот - и спекся», - имитируя характерную хрипотцу, цитировала Надя. - Пойдем, спринтер, кофе поьем.

Они сидели на втором этаже в холле, рядом с буфетом. На Наде был твидовый костюм и туфли на каблучке. Спортивный Петя прекрасно смотрелся в джинсах и водолазке. Место было людное, очень популярное у студентов и молодых преподавателей. Все ходили мимо и смотрели на них. Они пили кофе с булочками и шоколадной медалью. Надя рассказала Пете про свой город и даже пригласила как-нибудь летом съездить к ней на Волгу купаться.

Пете было очень приятно, что Надя рядом, что он такой герой-любовник и все это видят. Надя наблюдала за Петей, в душе улыбалась его маленькому тщеславию. Впрочем, ей тоже было хорошо. Потом пришел Аркадий, и Петя подвинулся, уступив место ему.

Получилось так, что Пирогов подвинулся и уступил место Аркадию *в принципе*. Как это произошло, никто не понял.

Петр уезжал на сборы, готовиться к Союзу. Учебой он временно пренебрег. На семинары ходил, чтобы повидать Надю, но лучше бы он этого не делал. Вид у него был неубедительный. Надя, не совсем понимая, что происходит, стала с ним холоднее. Она по-прежнему много занималась, работала на кафедре и очень уставала.

Видно было, что Петр здорово в нее влюбился, но сейчас это Надю радовало мало. А он будто слетел с тормозов. И стал делать то, чего он никогда не позволял себе раньше. Подкарауливал ее, навязывался в провожатые, постоянно гостил в ее комнате, даже один раз попытался заговорить с ней о близости.

Только этого Наде и не хватало. Она отчитала его очень жестко, а после этого неделю не разговаривала. Потом они помирились, вновь стали встречаться, но вела себя Надя уже настороженно.

Наконец, он уехал.

Дождавшийся своего часа Аркадий включил третью космическую скорость.

Начал он с того, что послал на конкурс одну из своих работ. В Надин день рождения работа вернулась с грантом и медалью. Из американского посольства, где все это должно было вручаться, пришло приглашение на два лица. Аркадий позвал с собой Надю.

Надя произвела на бомонд большое впечатление. О них заговорили как о молодой паре блестящих ученых, которые с честью представили советскую науку на престижном американском открытом конкурсе. Надя, конечно, тут была почти ни при чем, однако чрезмерно скромничать тоже не следовало.

На приеме помимо молодых лауреатов присутствовали светила американской и советской науки, известные музыканты, артисты и спортсмены. Работа Аркадия во всеуслышание была высоко оценена президентом Академии наук Александровым, поэтому на фуршете многие подходили к Наде и Аркадию с приветствиями и тостами. Успех был приятен.

Через неделю Аркадий сделал Наде предложение.

Она не отказалась и не согласилась. Сказать, чтобы она Аркадия любила... - нет, конечно. Где-то в чем-то Петя нравился ей даже больше. Но, будучи человеком достаточно взрослым и трезвым, Надя не могла не признать первенства Аркадия как в научном, так и в материальном смысле. Надя и сама не собиралась сидеть дома. Ей нравилась учеба, представлялась интересной будущая работа, и здесь перспективы Аркадия были также предпочтительнее.

К ее чести надо сказать, что она колебалась и, наверное, не погналась бы за предполагаемой выгодой, но Аркадий это предвидел и нанес решающий удар.

Однажды он зашел в ее комнату в общежитии и показал разнарядку ЦК Комсомола на обмен студентами и молодыми специалистами. От названий закружилась голова. Сорбонна. Оксфорд. Гарвард. И им подобные. Но это еще было не все.

В списках возможных кандидатов стояла фамилия Платков. Списки были длинные. Против одних фамилий стояли вопросительные значки. Против других - нет. Против Платкова - стоял. Надя поинтересовалась, что это значит. Аркадий ответил:

- Я - полуеврей. И я не женат. С такими недостатками Гарвард нереален.

- А если бы ты был полным евреем? - пошутила Надя, не видя толку спрашивать «И что?»

- Я бы все равно сделал тебе предложение, - спокойно вернул ее Аркадий на интересующую его тему.

- Я еще не решила. Но я приму к сведению, - тихо сказала Надя. - Еще один вопрос...- она показала глазами на разнарядку ЦК Комсомола, - это когда?

- С третьего курса. Но ты же понимаешь...

- Понимаю. Ковать железо надо сейчас.

- Ты умная девочка. Я жду.

И ушел.

«Пи-Пи» - это было так, глупые шуточки. Цветочки. Которые тут совершенно ни при чем. Такому натиску Надя сопротивляться не умела. Ей было совершенно не с кем посоветоваться. Предсказать реакцию родителей и подруг труда не составляло. Оставался только Пирогов, но он находился на сборах. К тому же спрашивать в этой ситуации совета у него было бы странно.

Приходилось решать самой.

Еще неделю она молчала, хотя внутренне уже сдалась. Потом подошла к Аркадию и согласилась.

Заявление они подали в первый день весны. Это им казалось добрым предзнаменованием.

К свадьбе с полученного гранта Аркадий купил новый белый «Запорожец».

Петя приехал накануне, все узнал от друзей и нашел в себе мужество подойти к Наде и поздравить ее. Надя его поблагодарила и отвела глаза. Что еще оставалось...

Гарвард требовал жертв. И он их получил.

Аркадий очень много работал. Его интеллект кипел, вел его вперед, он наработывал будущий капитал и шагал семимильными шагами по теориям и практикам, по идеям и людям. Надя его боялась. И почти любила. В его способности все пожрать было воистину что-то сверхъестественное. А она... Она была тоже не совсем обыкновенной девушкой, и многое было доступно ее оценивающему оку.

Шло время. Они учились на втором курсе. И ни разу Надя не усомнилась, что поступила правильно.

Восьмого февраля родилась дочь Катя. Сверившись с циркулярами, сопровождавшими списки и разнарядки, супруги узнали, что это не только не возбранялось, но даже всячески поощрялось. Выверенная советская система считала, что молодой талантливый ученый, будучи женат и обременен ребенком, не поддастся на уговоры идеологических противников. Иностранные службы, в свою очередь, вроде как могли не опасаться, что ученый забудет про свою ученость и в погоне за благополучием кинется в бега от жены, детей и своей великой родины. И те, и другие ошибались в этом очень часто. Однако, речь не о том.

Надя почти не кормила дочь. Аркадий настаивал, чтобы она берегла фигуру. А самое главное - не бросала учебу. По его мнению, ребенка прекрасным образом можно

было выкормить искусственно. Надо отдать Аркадию должное, он сделал все необходимое, чтобы Надя и их дочь ни в чем не нуждались. Они переехали в новую, более благоустроенную комнату в общежитии. За ребенком присматривала щедро оплаченная няня, в крайнем случае соседка, и Надя не была привязана к детской кровати. Она могла учиться, заниматься всем необходимым для предстоящей поездки, вести светскую жизнь жены начинающего, но известного молодого ученого.

С Петей они почти не встречались. Бороздя водные дорожки, он сильно отстал в математике и в начале второго курса перевелся на прикладной факультет, где требования были щадящие, а спорт поощрялся еще больше.

И только однажды, уж в конце апреля, спеша в институт, Надя встретила с Петей лицо в лицо. Она хотела пройти мимо, но почему-то подошла к нему и остановилась.

- Ты, говорят, скоро уедешь? - спросил Петя, по привычке смотря в сторону.

- Еще не скоро. Через полгода. А что?

- Ничего, так... Как ты?

- Как видишь. Все в порядке... - Надя развела руками, как бы демонстрируя свой обыкновенный облик: расстегнутый плащ, портфель, повседневный твидовый костюм.

- А ты?

- Гребу!

- Ты, Петя, знаешь что... Молодец. Держись. Я понимаю, что тебе нелегко. Мне тоже.

- В каком смысле?

- Ладно. Мы еще не прощаемся. Извини, я спешу. Пока.

- Пока.

Петр стоял и смотрел, как Надя исчезает за углом. Она знала, что он смотрит. Но не обернулась.

Аркадий жаловался, что в его несчастном «Запорожце» что-то с тормозами. Поскольку насчет починить он был не специалист, так и ездили. Однажды в середине мая Аркадий пришел домой и сказал, что есть возможность получить вне очереди новый «Москвич». Он пригласил Надю съездить с ним посмотреть машину. Денег можно было занять, тем более перспектива вскоре отдать долг имелась.

Надя покормила Катю, отдала запасной ключ соседям по общежитию, переоделась, накинула плащ. Было сумрачно, мог начаться дождь. Несмотря на то, что они собирались ехать на машине, Надя взяла с собой зонт-трость. Роковыми полномочиями при падении в овраг судьба наделила именно этот зонт.

21.

Валя Малыгина горевала, но недолго. В свои двадцать семь она была девушкой очень волевой, не пасовала перед неудачами и, как говорится, умела брать барьеры. В конце концов, на Пирогове свет клином не сошелся.

Она решила чуть-чуть переждать и попробовать все сначала. Дело было не только и не столько в личной жизни. Хотелось иметь нормальную крышу над головой. Спокойную работу, чтобы не вышагивать круглый год по улице во главе колонны из полтора десятков бодрых стариков и двух с половиной анемичных студентов. И, конечно же, вразумительную зарплату.

Что касается готовки, стирки и прочих приятных вещей, которые составляют женское счастье, то мечтами о нем Валя уже переболела и, не получив его ни разу, вне-

запно поумнела и перекрестилась. Даже мысленно благодарила Пирогова за его демарш.

У спортсменов, особенно бывших, есть свои кланы. По неписаным законам, внутри этих неформальных профсоюзов существовало нечто вроде солидарности. Конечно, гарантированной протекции никто никому обещать не мог, но при определенном терпении, везении и хороших отношениях с бывшими коллегами вероятность, что о тебе в случае чего *вспомнят*, была вполне высока.

Собственно говоря, именно так произошло с Петей.

И почти в то же время, даже чуть раньше, интересное предложение поступило Вале.

Когда Петя еще гонял по кругу свои элементарные частицы, некий Спортивно-патриотический клуб, имевший странные по широте уставные цели и задачи, обладавший солидными налоговыми льготами и широкими связями, стал заниматься визовым, паспортным и туристическим бизнесом.

Совершенно, казалось бы, несовместимые структуры - консульский отдел МИДа, союз бывших воинов-афганцев, иностранные фирмы с различной репутацией, какие-то черные маклеры и агенты - увязывались в реально действующую цепь. Кроме идейных руководителей, сидевших в высоких кабинетах, ее всей не прослеживал никто. Работники набирались на определенные должности, занимались конкретными обязанностями и не подозревали о реальной подоплеке их бизнеса. Между тем, стрелочниками часто оказывались именно они.

В Петинной фирме положение дел изначально было другим. Там все просматривалось насквозь. Компаньоны, будучи почти друзьями, работали честно, знали и прогнозировали риск, старались не ворочать уж очень большими деньгами и не выходить на высокий уровень. Когда работать стало тяжело, все собрались в хорошем ресторане, поблагодарили друг друга за работу, честно поделили паи, оказавшиеся весьма приличными, и закрыли лавочку.

Иное дело было здесь. Поставленное на широкую ногу, оно обещало куда более серьезные барыши и куда более серьезный криминал.

Валентина, чья должность называлась громко «Менеджер по отправке групп за рубеж», занимала куда как скромную позицию, а обязанности были чисто техническими. К началу службы ей исполнилось тридцать два. Она была невысокая, с балетной осанкой и походкой, очень энергичная и весьма неглупая, много успевала. Зарабатывала она, конечно, не все деньги, но с институтом в сравнение даже не шло.

Заоблачное начальство посматривало с олимпийской высоты на своих смертных подданных и кидало косточки, если кто нравился. Через пару лет Валентина стала выезжать с группами за рубеж. Потом ее начали просить собранные анкетные данные - не всех, конечно, ее клиентов, а избранных - запечатывать в конверт и опускать в почтовый ящик некоего отделения связи.

Получая зарплату, Валентина с удивлением стала замечать появившуюся на расчетной бумажке графу «премия». Размер последней странным образом находился в зависимости от ее дополнительных заданий, и иногда премия была больше зарплаты. Еще она аккуратно расписывалась в отдельной персональной ведомости за какие-то другие суммы, но ее попросили закрыть на это глаза.

А вскоре все Валины подписи были ей предъявлены под совершенно дикими документами. Однако, напугав, ее тут же и успокоили. Сказали, что все делается на благо государства, а если она будет умной женщиной, то произойдет все только самое хорошее.

Валя обдумала положение вещей и решила не дергаться.

Из фирмы она ушла, ей рекомендовали открыть собственный малый бизнес по торговле косметикой. Даже помогли финансово. Дело пошло, потому что крыша над головой была более чем *крутая*. Ссуду и проценты Валя через год отдала и решила, что с этих пор она - сама себе хозяйка.

Ей позвонили и сказали, что это не совсем так. Задания будут, но совершенно необременительные и, так сказать, чистые. Пойти в ресторан на переговоры с клиентом, который придет к ней в офис такого-то числа во столько-то, и спросить во время обеда то-то. Ответ можно не запоминать и никому не передавать. А лучше просто забыть.

Либо прокатиться на теплоходе в Санкт-Петербург с выставкой своей продукции и, если получится, познакомиться с обитателями соседней каюты. Только познакомиться, более ничего, упаси Бог.

И все - в таком роде.

Раз в три-четыре месяца ей давали инструкции. Валя все делала точно и конкретно, справедливо рассудив, что лишняя инициатива так же не обрадует заказчиков, как и неисполнение. Она была положительно умна.

Настал знаменитый август девяносто восьмого. Предупрежденная накануне обвала, Валя сумела удержать свою фирму на плаву. Хотя потери были большие, утешало то, что многих ее конкурентов просто смело.

Но однажды случилась неприятность – на почве сердечных дел. Пойдя по очередному заданию в ресторан, Валентина увидела Петю Пирогова.

Произошло это в сентябре. На улице стояла теплынь, но темнело уже рано, в ресторане царил полумрак. Ресторан - хороший, довольно дорогой - заполнялся лишь наполовину. Обознаться она не могла. Петя сильно поседел, одет был неярко и недорого, держался скромно.

Если б Петя был один, Валя подошла бы к нему - поболтать о жизни, расспросить про дела, кое-что рассказать о себе, поблагодарить за несостоявшиеся стирки-готовки.

Если б он был с дамой, пусть даже и очень яркой, она с наслаждением послала бы за их столик бутылку «Вдовы Клико» и свою тисненную золотом визитку.

Но он посмел явиться в ресторан в обществе такой прелестной, тоненькой, ослепительно молодой девочки лет шестнадцати, что Валентина со всей своей косметикой получила удар.

Девочка была в джинсовой юбке, рубашке с коротким рукавом и кроссовках. Странного, неразличимого в полутьме оттенка волосы гладко стекались в хвост. Плечи ее прикрывал светло-серый спортивный джемпер.

Вид не ресторанный, не солидный, не вечерний... Но глаз было не оторвать.

Что уж там они отмечали, непонятно. Валентина, как замороженная, следила за ними. Видела, что заказал Пирогов немного, все больше соки, закуски, фруктовые салаты, мороженое.

Девочка, напустив на себя важность большой дамы, сверкала глазами, ища возможность напроказничать. Возможность нашлась в разговоре с официантом, который потом чему-то долго смеялся, поглядывая на девочку из служебной двери; в пальмовой кадке, куда были баскетбольным образом выкинуты все косточки из фруктовых салатов; в старинной картине, на раму которой она налепила жвачку.

Валентина даже и не подозревала, что она ревнива, как мавр. Чего ради, непонятно, было ревновать, когда уж столько воды утекло за двенадцать лет...

Все это и многое другое говорила она себе и не могла уговорить.

Какими только словами мысленно не припечатала она в этот момент Петю! Каких персонажей из литературной, уголовной, медицинской классики она не припомнила!

А они себе поели, попили соку, встали и ушли. На лестнице девочка обнаружила, что у нее развязался шнурок. Она присела на корточки, завязала его и лизнула свою коленку.

К Вале вот-вот должен был прийти клиент. Но она про него забыла. Она вышла вслед за удалившейся парочкой, подсмотрела, что они сели в новенькую серебристую «Тойоту», запомнила номер. Потом она кинулась в свою «Девятку» и с места рванула в другую сторону.

Задание она провалила.

Вежливо, корректно и очень сдержанно ей намекнули, что весьма недовольны. И что задания у нее далеко не такие опасные, как у саперов, но аналогия, тем не менее, есть. Просили так больше не делать.

А Валя думала о Пирогове. И, кажется, не вникала в серьезность предупреждений.

22.

Зоя, конечно, очень уставала тянуть на себе Катю и Аркадия, но совесть у нее была почти спокойна. Теперь, сколько бы ни продлилась ее полная зависимость от разбитого параличом Аркадия - пусть бы даже и многие годы, - она уже не чувствовала себя привязанной к нему душевно, семейно либо как бы то ни было еще. Она была сиделкой. А больше - никем. Почему-то она не считала его даже отцом своей дочери, хотя, конечно, это был уже перегиб.

Самое главное, что ее отпустил животный, парализующий волю страх.

Ей стало легко общаться с другими мужчинами. Когда ушла двусмысленность положения, она перестала запрещать Сурену звонить им, присылать подарки и вещи, иногда в завуалированной форме помогать материально. Гордость тут была ни при чем. Сурен замечательно относился к ним, и что с того, если у него где-то там была, так сказать, *бизнес-жена*, дело не в ней и не в Зое. А в Кате. Зоя понимала, что Сурен благородный человек, и если у них будет нечто вроде дружбы, то это может пригодиться Кате в жизни. Катя называла Сурена дядей, он ее племянницей, а Зоя, таким образом, получалась Сурену сестрой... Глупо было возражать против таких отношений.

Зоя и не возражала. Тем более, что без помощи Сурена приходилось бы тяжело.

Совсем другое дело было в новом увлечении Кати. Зоя знала о нем настолько, насколько позволяла Мальвина. Но чего Зоя не знала - о том догадывалась. И это ее тревожило.

Всякие аргументы насчет того, что Катя не привяжется к плохому человеку, что она умная, разборчивая и ироничная, что ей всегда сумеют прийти на помощь - являлись заклинаниями.

Зоя была взрослая и не смотрела на мир сквозь розовые очки. Самый плохой человек может прекрасно пустить пыль в глаза. Самый хороший и честный может не удержаться от искушения. А «умная, разборчивая, ироничная» Катя может исчезнуть, если появится Катя влюбленная.

Начав как-то говорить о Кате с Аркадием, Зоя обнаружила, что он страшно нервничает и откровенно ревнует Катю к кому бы то ни было, даже к ней самой, только лишь потому, что девочка не проводит дней и ночей у его кресла.

В самом деле, может быть и следовало внушить Кате мысль, что с отцом надо считаться, каким бы он ни был. И то хорошо, что он есть. Но, честно говоря, Зоя искренне

не желала бы Кате сего счастья - сидеть с никогда не любившим ее Аркадием. Говорить о каких-то компромиссах язык не поворачивался, и Зоя брала на душу тяжесть и грех.

Так или иначе, толку и совета от Аркадия добиться не удалось.

Зоя написала Сурену. Сурен позвонил Кате, о чем-то они долго разговаривали, потом трубку взяла Зоя.

- Все в порядке, сестра! - услышала она знакомый акцент. - Я поговорил с ней. Она умная девушка. Не волнуйся. Я напишу тебе.

Утешил, нечего сказать...

Приходилось братья за дело самой.

- Катя, можно с тобой поговорить? - как-то в мае спросила она Катерину.

- Со мной уже дядя Сурен поговорил. - налету перехватила ее мысль Катя.

- А откуда ты знаешь, что я о том же?

- Ну, ты так официально... - Мальвина взяла яблоко и громко им захрустела, сбивая Зою с толку.

- Хорошо. Допустим. И что ты скажешь?

- Мама! Давай я тебя с ним познакомлю.

Такого поворота событий Зоя не ожидала. Она приготовилась к штурму, к длительной осаде, к шерлоко-холмсовским тайным сыскам, но чтобы вот так, добровольно, ключи от города... Ей как-то сразу расхотелось Катю контролировать, потому что раз все так просто, значит действительно Кате скрывать, а Зое бояться нечего.

Однако, по многим причинам отказываться не стоило. Во-первых, доверие надо ценить. Во-вторых... Ну, мало ли что...

- Когда?

- Подожди, я сейчас.

Катя уединилась в комнате и стала звонить по телефону. Зоя по привычке не слушала, о чем она говорит. Катя вернулась через две минуты и сказала:

- Завтра, в парке.

Назавтра был дождь, но в парк они пошли.

Подъехала большая темная машина, которая повергла Зою в шоковое состояние два месяца назад. Из нее вышел тот же самый человек.

- Петя, - представился он, пристально вглядываясь в Зоины глаза. - Я вас помню.

- Здравствуйте, а я вас. Простите меня за тот разговор. У меня были причины.

- Я немного в курсе. Прошу вас! - Петр открыл перед ней дверь машины. Зоя села.

- Мальвина, а ты? - пригласил он Катю, но девочка отказалась:

- Я тут подожду, а вы покатайтесь. Петр Иваныч, свози маму пончиков поесть.

- Мне как раз только пончиков... - проворчала Зоя и захлопнула дверь

Петр молча улыбался. Они тронулись, набрали скорость, выехали из парка.

- Вот как - «Мальвина»?.. - протянула Зоя.

- Извините... - он улыбнулся опять. - Я не знал, что это только семейное.

- Да нет, почему же, просто это указывает на некоторую близость отношений...

Хотя Зоя и не хотела этого, смысл получился двойным. Петр неожиданно свернул к обочине и остановился.

- Зоя! Посмотрите на меня внимательно. Вы меня не узнаете? - он повернулся к ней и еще раз очень пристально посмотрел ей в глаза.

Зоя вгляделась в его лицо.

«Ровесник. Может, чуть старше. Глаза внимательные, спокойные. Морщины на лбу. Сидит...» - честно анализировала она внешность Пети.

- Ну как же! Мы же виделись с вами там, в аптеке... Разве вы не это имеете в виду?

Петр вздохнул, отвернулся, включил зажигание. Они поехали.

- Да... И это тоже... - он покивал головой, смотря на дорогу.

Вновь пошел дождь. По лобовому стеклу бесшумно скользили дворники. Зоя попыталась пошутить:

- Надеюсь, мы не пончики едем есть?

- Вы правы, - серьезно ответил он, - Катя там без зонта...

Они развернулись, прибавили скорость. Когда въезжали в парк, Петр притормозил, высматривая Мальвину. Та стояла под зазеленевшей березой и ловила на ладонь дождь.

Петр остановил машину рядом с девочкой, но дверь не открывал, медлил.

Катя тоже не торопилась подойти.

- Вы, Зоя, не волнуйтесь. Все, действительно, очень хорошо. Вы даже не представляете себе, насколько... Больше я ничего объяснять не буду. Вы когда-нибудь сами все узнаете и поймете. - Петр открыл дверь. Мальвина подошла, села на заднее сиденье.

Он вез их домой.

Была середина мая. Тринадцать лет назад в один из этих дней произошло событие, которое странным образом все поменяло и перемешало. И то, что они в этот миг втроем ехали в одной машине по теплому дождливому городу, было также его следствием.

Все молчали. А Зоя, держа в руках подаренные им гвоздики, чувствовала, что почему-то сильно взволнована происходящим.

Разобраться в этом новом чувстве она, действительно, пока не могла.

23.

К школе на следующий день Петр все-таки не пошел. Это было бы неразумно. Их могли увидеть учителя, ученики, родители, не говоря уж о насмерть перепуганной Катиной маме. И подумали бы неизвестно что... То есть, как раз, *известно что*.

Днем он занимался ремонтом машины. К вечеру сел за компьютер, чтобы не ждать звонка. Было как-то не по себе от неуверенности - позвонит или нет.

Катя позвонила и нашипела на него, как дикая кошка.

Петр искусственно возмутился:

- Девочка, милая! Ты еще маленькая так разговаривать со взрослыми. Тебе сколько лет?

- Тринадцать! - ответила она таким тоном, будто сказала «девяносто семь».

- Ну! А мне тридцать четыре! Я уже большой дяденька.

- Ты старый и нудный бледнолицый Хорь, - отрезала она и демонстративно смолкла.

- Ладно. Мир. Ты что сейчас делаешь?

- Дома сижу.

- А мама где?

- На работе.

- Хочешь, приеду, пойдём погуляем?

- Да ты что... Мать голову оторвет... - последовала небольшая пауза, - ...И, пусть оторвет. Валяй!

- В каком смысле - «валяй»?

- В смысле - чеши.

- Как это?

- Это значит - дуй.

Нет, это было невыносимо.

- Ты чего замолчал? Едешь, нет?

- Еду, еду...

- Запиши адрес...

Он взял такси и поехал к ней. Для конца марта погода стояла необычная. Мощный антициклон, уже три недели царивший над городом, днем испарял снег без таяния, а вечером напускал несильный морозец. Было сухо. Похрустывал тонкий лед. Светил месяц. Дышалось легко и комфортно. Пришла Катя, без шапки, синеволодая и в ответ на его немой вопрос заявила, что она - Мальвина.

Как будто это что-либо разъясняло.

Теперь он мог ее разглядеть, чем украдкой и занимался. Ее манера говорить, слушать, двигаться была совсем другая, чем у Нади. В обычной жизненной пластике сходство сильно скрадывалось, и выявлялась, напротив, ее индивидуальность. Совершенно иной темперамент диктовал свои законы, и только в моменты полной статики Катя становилась очень похожа на мать.

Девочка нашла какую-то ледышку, гоняла ее по тротуару и все время о чем-то говорила. Неожиданно льдинка улетела на пустую проезжую часть. Катя ринулась за ней, но Петр вовремя схватил ее за руку. Тут же, откуда ни возьмись, перед ними на большой скорости промчалась машина и раздавила льдинку.

- Ну, вот, видишь? - с досадой выдернула Катя свою руку.

- Вижу.

Она замолчала, надулась.

- Ладно, спасибо, проехали, - буркнула.

Они еще немного погуляли, потом он проводил ее домой. Окна квартиры были темные. Доведя Катю до самых дверей, Петр на секунду замялся, а потом попросил дать ему телефон. Девочка подняла к небу черный кожаный указательный палец и сняла перчатку, под которой обнаружился картонный прямоугольник. Карточка была нарисована разноцветными ручками, тщательно раскрашена и отдаленно напоминала его визитку, только лучше и красивее. Он об этом сказал, ей было приятно.

- На уроках рисовала?

- Когда же еще? А ты не пришел...

Внизу запищала, затем щелкнула магнитами железная дверь подъезда, кто-то начал подниматься по лестнице. Катя сделала страшные глаза, изобразила из себя повешенную и завершила пантомиму красноречивым жестом, чтобы он убирался. Затем исчезла, едва слышно скрипнув замком. Петр проворно дунул вверх: с Зоей сейчас встречаться и правда не следовало.

Однако, то была не Зоя. Процессия из двух мальчишек и собаки, как назло, шествовала еще выше. Петя независимо прищурился и стал делать вид, что он что-то ищет в карманах, а самому ему, конечно же, надо вниз, ибо он перепутал подъезд. Ребята, замолчав, настороженно миновали его, собака обнюхала.

Он стал спускаться, но увидел в окошко приближающуюся к подъезду Зою. Маневр с верхним этажом пришлось повторить. Зою на лестнице ничто не задержало, она сразу ушла в квартиру, и оттуда донеслись радостные возгласы. А из верхней двери вновь вышла собака в сопровождении одного из знакомых мальчишек. Собака опять обнюхала Петра, уже почти по-приятельски, парень посмотрел подозрительно, но смолчал.

На этом приключения закончились.

- Я видела в глазок, как ты бегал вверх-вниз... - сказала ему на следующий день по телефону внимательная Катя. - Бедный... - добавила она жалостно. И хихикнула.

Их прогулки стали традицией. Раз, а то и два раза в неделю Катя убегала из-под бдительного Зоиного присмотра...

Однажды в апреле Катя позвонила ему и сообщила, что вернулся Аркадий Михалыч, в доме был салют и тарарам, а затем Аркадия Михалыча увезли в больницу.

Петр предложил свою помощь, если понадобится, а про их встречи до поры до времени просил никому не говорить. Катя за помощь поблагодарила, а насчет последнего – то сама бы она, конечно же, не догадалась...

В середине мая состоялось свидание с Зоей. После звонка Мальвины Петр немного нервничал. Да и было от чего: он и сам не определил пока своей роли в новом повороте сюжета, что ж говорить о Зое... Однако вслед за встречей пришло ощущение, что все нормально. Роль его должна была определиться со временем, торопиться никто никого не заставлял, а что Зоя ему поверила – сомневаться не приходилось.

Лето проводили в городе: Зоя и Петр работали, Аркадий болел. Катя собралась было с классом на месяц в Карелию – как она выразилась, *оторваться*. Через три дня, однако, вернулась, чем вызвала легкое смятение в рядах взрослых. Аргумент был такой:

- Я им сказала: выбирайте. Или я, или они. Пожалуйста, сделайте что хотите – но меня не трогайте. Все стали смеяться. Думали, что я шучу. Потом они попищали и опять уселись. Тогда я сказала – вы сами выбрали. Извините. Собрала вещи и уехала.

- Кто они-то?

- Комары.

- А что сказали твои школьные наставники?

- А что сказал старый дедушка, когда Вовочка отобрал у него кислородную подушку? Я оставила записку и все...

Дело, наверное, было не только в комарах, но что за бесшабашное разгильдяйство! Ночью, без билета, без денег, в тамбуре Пятсот веселого поезда!..

Пришлось Пете девочку пристраивать. Недалеко от города, на даче одного из друзей, он снял комнату с отдельным входом. На даче жила жена друга с двенадцатилетним сыном Стасиком. Катя настояла на том, чтобы пожить одной. Жена друга поддержала Мальвину, сказав, что справится, и что с двумя легче, чем с одним.

Целый июль Катерина со Стасиком *индействовали*. Сплотили весь цвет деревенской и дачной шпаны, устраивали набеги на совхозные клубничные поля, играли в городки и в «туза», жгли костры, плющили под колесами электричек пивные пробки, рыскали вдоль путей и под насыпью, искали и сдавали бутылки... Что они покупали на вырученные деньги – о том умалчивали. Сладу с ними не было!

Жена друга, обещавшая с Мальвиной справиться, призадумалась: ее маленький Стасик стал как-то резко взростеть...

В последних числах июля Катя с дачи съехала. К счастью, в это время из командировки в родной город вернулась тетка Наталья и забрала Мальвину на Волгу.

Наташе исполнилось двадцать шесть. Она была не замужем. Родители давно умерли, и Наташа, окончив геолого-разведывательный институт в Питере, моталась по экспедициям. Но в августе она была в отпуске, который посвятила дому и племяннице. Будучи схожи характерами, родственницы отлично ладили.

Потом Катя пошла в восьмой класс.

Как-то в пятницу, после школы, ей пришла фантазия вновь навестить тетушку. Наташа уже уехала, и Мальвина «поцеловала» замок. Кинувшись на вокзал, она едва успела на последнюю электричку. Далеко за полночь явилась Катя домой, кроткая и ласковая.

Зоино терпение лопнуло. На следующий день она позвонила Петру, накричала на него и велела сделать Кате внушение – *за все хорошее*, которому девочка набралась, по мнению Зои, от Петра. Последний к эмоциям отнесся спокойно, но поговорить с Мальвиной обещал. В этих целях на следующий день он пригласил Катю на прогулку. Мальвина была загорелая после лета, вытянувшаяся, похорошевшая. Оттягивая объяснение, Петр задабривал ее. Подарил какой-то парфюм, придумал катание на пароходике по осенней реке, зачем-то купил по бокалу шампанского... День удался на славу. С кормы катера правила и морали выглядели искусственно и умозрительно. Однако в машине, верный слову, Петр произнес речь. Мальвина покорно *внушалась*, опустив голову, в то время как пальцы ее теребили край юбки и складывались во всяческие комбинации.

Выслушав его, Мальвина принялась весело огрызаться. Завязалась дискуссия. Увлеченные интересным процессом, они, против обыкновения, доехали до подъезда, а не остановились за углом. Сраженная его аргументами, Катя со всем согласилась, за все извинилась и с напускным смирением попросила отпустить ей также и будущие грехи. Шутка получилась смешная, потому как жизненная.

Выйдя на тротуар, Катя распустила волосы, стянутые черной резиночкой, встряхнула головой и, как из рогатки, запустила резинку в открытое окно машины. Петя был в солнцезащитных очках, что спасло глаза от неприятности. Катя рассмеялась и заявила, что этот грех ей уже отпущен. После этого она махнула рукой, отправила вслед за резиночкой воздушный поцелуй и ушла в подъезд. Не уверенный, что убедил Мальвину хоть в чем-то, Петр некоторое время не трогался с места. Задумавшись о роли красноречия в воспитании тинэйджеров, он открыл дверцу, встал, облокотился на крышу автомобиля и посмотрел наверх, на Катины окна.

Катя, конечно же, не выглянула.

Вечером Пете позвонил Аркадий и наградил отборными эпитетами по-русски, по-английски и по-немецки. Смешал его с пылью. Обозвал, как только мог. Орал, чтобы Петр не смел глаз поднимать на Катю. Чтобы вообще он подох - и чем скорее, тем лучше. Петр молча дал Аркадию выговориться и вежливо попрощался.

Тогда Аркадий настоял, чтобы в его комнату, бывшую Катину, провели телефон и брал трубку, когда раздавался звонок. Он устроил настоящий террор! В результате с ним случился еще один удар. Сценарий был тот же: скорая, больница, капельница...

Спровоцированная Аркадием ситуация, взрывоопасная на первый взгляд, привнесла в положение вещей удивительную стабильность. Конспирация и таинственность Кате пришлись по душе, она разработала четкую систему условных знаков и сигналов, обеспечивших надежную связь. Петр после некоторых колебаний принял ее условия игры, и Аркадий со своей беспомощной подозрительностью оказался нейтрализован. Зоя в *военные хитрости* не вникала. Когда возникала необходимость, она общалась с Пироговым со служебного телефона либо через Катю.

Известная поговорка гласит: «Нет ничего более постоянного, чем временное»...

Шли месяцы.

Катерина стала бывать у Петра дома. Он немного помогал ей в учебе и являлся хранителем ее первых сердечных тайн. Разумеется, баловал.

Потом случился дефолт.

Предусмотрительный Петя все свои сбережения держал в долларах и в чулке. Благодаря чему оказался одним из немногих, кто реально выиграл в результате сих странных и неприятных событий.

Все взвесив и обдумав, Петя продал старенький битый БМВ, а взамен приобрел только что сошедшую с конвейера каплевидную серебристую «Тойоту».

В сентябре было очень тепло.

Однажды Катя объявила, что у нее день рождения.

Петр спросил, как это. Она сказала - пятнадцать лет и семь месяцев. Дата была важная, и ее, вместе с покупкой «Тойоты», требовалось отметить.

Они решили пойти в ресторан. Одеты были не по-вечернему, но их это мало волновало.

Кате удалось насмешить чопорного, с рыбьими глазами, официанта. Парень принял Петю с Катей по одежке. Даже спросил, не ошиблись ли они адресом.

Когда сомнения были рассеяны, Катя с серьезным видом назаказывала полный стол вегетарианских угощений. Потом сделала знак официанту нагнуться к ней и на ухо попросила принести ей *в дамскую комнату* сто грамм и соленый огурец, а то у нее душа горит. Только, пожалуйста, так, чтобы никто не видел. Официант выпрямился, сильно озадаченный. Но, взглянув на ясную, нежную, глазастую Катю, он представил себе ее в туалете со стаканом и огурцом. Это было совершенно нелепо и очень смешно.

Петя не знал, о чем там они. Он давно махнул рукой на Мальвинины *шуточки*.

Посидели они отменно. Съели все. Заказали еще - и опять съели. Бросаясь косточками, Мальвина уронила себе на колени засахаренный абрикос из фруктового салата.

Потом они поехали кататься.

На следующий день у Пети угнали машину.

24.

Теперь он понял, почему стал бояться утонуть. Конечно же, Валя Малыгина тут была ни при чем.

Валя, Валя... Зачем она бросилась в эту авантюру...

Он пытался ее понять, он внушал себе, что тоже виноват, он должен, должен оправдать ее – и не мог. Впрочем, Валу было жалко. Но речь не о ней.

Надя была с ним только что! Он видел ее, почти осязал, она говорила, что никуда не уезжает, что они не прощаются; потом сказала что-то еще, нечто очень важное, он опять забыл, что. Во сне это было или нет?..

Стрелец оглядел комнату. В ней царил новогодний беспорядок. Наполовину съеденный торт, разложенные по тарелкам закуски. На Мальвинином блюде недочищенный апельсин. Остроконечная меховая шапка, надетая на бутылку шампанского...

Апельсин он дочистил и съел. Салаты и закуски убрал в холодильник. Торт закрыл коробкой, отнес на кухню. Повесил в ванную полотенце, валяющееся в прихожей. Шапку не тронул.

Сел рядом, на то самое кресло, на которое присаживалась к нему Мальвина.

Что произошло ночью? Лишь то, что они не стали мужем и женой. Но кем бы он сейчас чувствовал себя, если бы... Что бы сказали праведная Зоя и этот несчастный больной вдовец Аркадий, что бы подумала во имя *кого-то* обманутая им Валентина?.. Да и при чем здесь они?

Он ухватил мысль: Катя! – вот в ком дело. Неужели годы, проведенные с ней, вели только к этому? Абсурд, не было ни мыслей таких, ни чувств! Значит, все правильно.

Стрелец выпил чашку кофе, вымыл всю посуду и решил пройтись.

Погода стояла тихая. Ветра не было. Снег становился гуще.

Катины следы уже замело. Заметало и вчерашний вечер. Это было хорошо.

Он дошел до метро. Елка не горела. По всей площади валялись трубочки от пиротехники. Проехала одна-единственная машина. Настроение улучшалось.

Зазвонил мобильный телефон.

- Это я. Приезжай.

- Ты где?

- Дома.

- Что-нибудь случилось?

- Да. Приезжай скорее, узнаешь.

25.

Валю Малыгину попутал бес. Она организовала угон «Тойоты». Провалила подряд два задания, одно проще другого. Попыталась по *своим* каналам, минуя хозяев, разузнать что-нибудь о девочке и ее родственниках. Ей это удалось. Тогда Валя нашла заинтересованных людей, которые были не прочь выяснить отношения с Аркадием.

Сначала позвонили по телефону. Трубку, по обыкновению, взял Аркадий, о чем тут же пожалел. Минут через пять Зоя, заинтересованная странной тишиной в комнате мужа, заглянула туда. Взгляд Аркадия был беспомощен и страшен. Рука судорожно сжимала телефонную трубку, слышались короткие гудки. Ничего путного Аркадий объяснить не мог.

Потом Катю остановили на улице два подростка и передали родителям большой привет из Америки и Польши. Катя, информированная о ситуации лишь поверхностно, привет Зое передала с удовольствием. Зоя тут же обратилась в милицию. Там заверили, что все в порядке, ничего нового, наверное, дети балуются.

Наконец, сбылось то, что долгое время мерещилось Зое наяву и во сне. Однажды, возвращаясь домой, Зоя прошла мимо припаркованного невдалеке от ее подъезда джипа. Из машины ее окликнули. Сказали, что с Аркадия взятки гладки, это они знают, но девочка, и все такое...

Завели речь о квартире, а лучше - об авторских правах. С этого момента Зоя обрела способность трезво размышлять. Очевидно, это были не простые бандиты, раз интеллектуальная собственность их интересовала больше, чем просто деньги. Она сказала, что подумает.

Они ответили, что согласны.

Когда отведенное на раздумье время закончилось, Зое на работу позвонил чрезвычайно корректный человек и предложил встретиться.

Встреча произошла днем, в приличном кафе, с кофе и десертом. На ней договорились обо всем.

Чувствовалось, что делом занялись действительно серьезные люди. Давление на Зою и Катю прекратилось. Им принесли извинения, их заверили, что виновные в таком странном недоразумении будут непременно выявлены и наказаны.

Виновной была назначена Валентина. Собственно, и не без оснований. Ей припомнили подписи под расписками. Удачный шпионаж. Неудачный шпионаж. Пирогов-

скую «Тойоту». Самодеятельность. И кое-что еще. Зое Валентину представили корнем зла.

Зоя почти поверила. Это «почти» звалось Петр Иванович Пирогов, который, будучи в ситуацию посвящен, проанализировал ее с несколько другой стороны.

Что дела не меняло.

Ради Мальвины им надо было выйти из игры. Для этого понадобился стрелочник.

Однако, и возможные репрессии представлялось не лишним предотвратить. Подавая пример, Петр забрал назад заявление о пропаже машины. В ответ Валентину пожалели и ее хозяева. Они-то понимали, что именно Валентина своими импровизациями вывела их на довольно интересный куст проблем и направлений. Даже раздерганные на мелочи, прикладные труды Аркадия Платкова могли принести солидную выгоду. А собранные вместе, они тянули на Нобелевскую премию.

Мудрые Валины хозяева выбрали первый путь. И тихо, спокойно, мирным путем получили от Зои все документы, которые им требовались.

Валентина, лишенная бизнеса, накоплений и перспектив, была на сем прощена. Ей даже оставили ее машину, которая поначалу предназначалась в качестве компенсации Пете.

Следы «Тойоты» утонули в одном из ангаров-автосервисов, откуда, вероятно, перенумерованные запчасти уехали в разных направлениях.

Полгода Петя ходил пешком. Потом у человека, который купил его БМВ, наметились некоторые изменения. Он собрался уезжать из России. Узнав об угоне «Тойоты», мужчина позвонил Пирогову и предложил обратный ход. Недолго думая, Петя согласился.

В итоге все странным образом остались при своих.

Валентина занялась знакомой туристической деятельностью, устроившись в офис одного из агентств. Работник она была хороший, да и человек, в общем, тоже. Однажды она позвонила Пирогову, попросила о встрече и принесла свои извинения. А также поблагодарила. Петя не возражал. Извинения и благодарность принял. На том и расстались, чтобы больше никогда не видеться.

Зоя служила себе в аптеке, на сей раз в полной уверенности, что страшное позади. Ее сослуживцы с сожалением вспоминали синеволосую девочку, которая появлялась у мамы в лаборатории все реже и реже.

На Новый год ожидался приезд Сурена. К нему готовились заранее, но Сурен прилетел только в последний вечер. Из аэропорта он приехал прямо к Зое. Случилась большая и - чтоб не беспокоить уснувшего Аркадия - тихая радость. Сурен заставил Мальвину тут же примерить все привезенные им подарки. Он был очарован Катей, которую не видел почти пять лет, и потребовал немедленно поехать с ним в армянский ресторан. Уверенная, что это ненадолго, Мальвина даже не стала звонить Стрельцу. В ресторане оказался большой прием. Многочисленные армяне так запудрили ей голову тостами, спичами и комплиментами, что она чуть не пропустила Новый год.

Петр Иванович, принесся в жертву «Тойоту», отдал дань кризису. К счастью, это его не разорило. Наоборот, электрическое ощущение случайных, шальных денег постоянно создавало напряжение. Садясь за руль «Тойоты», Петя всякий раз ежился. Будто бы сверлил затылок чей-то укоризненный подсматривающий взгляд. Словно кто-то шептал в ухо: «Ай-ай-ай! Поделись...» Поделившись, Петя успокоился. И избавился от симптомов болезни - странной, но совершенно типичной для его поколения.

Катя так ни о чем и не подозревала. Зоя и Петр сумели увести ее в сторону от всех проблем. Она окончила школу и почему-то поступила в историко-архивный институт.

Училась через пень-колоду, прогуливала, на однокурсников смотрела с иронией. С занятий убегала к Пете, они по этому поводу ругались. Вернее, ругался Петя, а Мальвина парировала, причем так блестяще и точно, что Пирогову нечем было крыть.

Аркадию на некоторое время стало лучше. Его не посвятили во все тонкости достигнутых компромиссов. От него отстали, что на данный момент являлось самым главным.

Однажды Аркадий, просматривая изредка приходящую к нему корреспонденцию, обнаружил в одном из американских научных журналов свою работу. Аркадий язык знал хорошо. В вычисления вдаваться он уже не мог, но обознаться было невозможно. Речь шла о квазарах. Путем математических вычислений автор доказывал их существование.

Под названием и в оглавлении значилась другая фамилия.

26.

Весь январь было не до новой Мальвиной шапки. Новый год, прошедший для всех так странно, накладывал свой отпечаток на дальнейшие месяцы, приносил хлопоты, дела, проблемы.

Сердце Аркадия остановилось днем, без пяти минут три. На его коленях лежало поздравление от известного американского университета и декабрьский выпуск солидного научного журнала.

Врачи человеколюбиво высказались, что *больной* отмучился и освободил других.

Глаза у Зои и Кати были сухие. Совершая необходимые процедуры, женщины избегали смотреть друг на друга, не искали ничьего сочувствия, старались быть спокойными.

Приехавшему сразу после известия Петру достались транспортные проблемы. Сурен взял на себя поминки. Аркадия как профессора, отмеченного премиями, похоронили на Ваганьковском.

Катя, как ни странно, сессию сдала успешно, потом уехала на каникулы отдохнуть.

За три дня до ее возвращения Петр и Зоя случайно встретились в центре. Зоя выходила из какого-то магазина, Петр ехал мимо. Он пригласил ее в гости. Она согласилась.

Шапка так и висела на бутылке из-под шампанского. Зоя вопросительно взглянула на Петю.

- Это ничего, - сказал Петр. - Скоро подарю.

- Так давно это было... - ответила Зоя сама себе.

- Что?

- Новый год. И все остальное...

- Зоя, вам сейчас лучше?

- Смотря что иметь в виду.

Петр снял шапку с бутылки, убрал в шляпную коробку. Достал два бокала. Разлил в них остатки кисленькой водички.

- Зоя, с Новым годом.

- Петя, так странно... Какое сегодня число?

- Третье февраля.

- Почему же - с Новым годом?

- Не знаю...

После этого они чокнулись и выпили.

В холодильнике нашлась еще одна бутылка шампанского...

Наутро, когда Петя проснулся, Зоя уже ушла.

Квартира была прибрана. На кухне под салфеткой ждали бутерброды. В чашке лежали чайный пакетик и лимон. Он с удовольствием позавтракал. Подумал, не позвонить ли Зое... От этой идеи его отвлекла важная мысль.

Пожалуй, именно сегодня начинался для него новый год. И новый век. И, кажется, новая жизнь.

Он сходил за стремянкой, залез под самый потолок и стал вытряхивать книги с верхней полки. Делал он это до тех пор, пока не выпала Мальвинина фотография. Петр поставил ее на место, за стекло. Затем он снял с полки свое старое письмо в двадцать первый век. Отклеил скотч, положил конверт перед собой на стол, разгладил его ладонью.

Сквозь пожелтевшую бумагу проступили таинственные письмена. Несколько слов можно было разобрать: «Читаешь... слание... сяч дней...» - вот все, что было более-менее внятно. «Читаешь ли ты сейчас это послание через пять тысяч дней» - вспомнил он вдруг написанное тогда - «или, надежно доверенное непрозрачной бумаге конверта, так и не увидит оно больше света?» Все. Дальше не вспоминалось.

Стрелец еще некоторое время покрутил письмо в руках, погладил его кончиками пальцев, подошел к горячей свече и поднес к огоньку край конверта.

27.

Катино восемнадцатилетие отмечали в узком кругу, но шумно и весело. Петя опять подарил ей шапку и посадил в нее большую черную пантеру.

Хищница с плюшевым мехом умела выгибать спину, когда ее гладили, топорщить усы, если ей что-то не нравилось, пригибаться, готовясь к прыжку. Вообще, выглядела столь натурально, что в полутемной комнате брала оторопь.

- Я что-то не поняла, - сказала Катя, - а где же Хорек?

- Память у тебя, мамочка, - Петр был навеселе, потому что особенно выбирал выражения.

- У тебя тоже, папочка... - реагировала Мальвина.

- Она его съела.

Пантера поселилась на диване. Спала с Мальвиной. Ночью, по уверению Кати, убегала охотиться.

Зоя и Петя свою тайну не выдавали. Между ними как будто ничего и не было. Ни словом они не обмолвились о той ночи.

- Петр, выбросите все из головы, - однажды неожиданно выпалила Зоя по телефону.

- Хорошо. Если вам так лучше.

- Я не хочу вас ничем держать.

- Я тоже, Зоя...

На его словах связь прервалась.

Петр подумал, что трубку положила Зоя. Она, в свою очередь, решила, что беседу прекратил он.

Этот разговор так и не продолжился, в отличие от другого:

- Послушай, папочка, я подумала, и мне понравилось... - едва успев перешагнуть порог, по обыкновению сбросив на пол пальто, перчатки и шарф, выпалила Мальвина.

У нее было фантастическое умение мгновенно создавать разруху.

- Что тебе понравилось? - проворчал он, думая о разрухе и подбирая с пола вещи.
- Мне понравилось называть тебя папочкой.

Румяная и холодная с апрельской слякоти, она выпрыгнула из туфель и как была, в красивом бордовом костюме, забралась с ногами на диван, зарылась в плед.

- Папочка. Папа. Папусик... Отец! - глухо фонтанировала она под пледом на разные лады. - Пожалуйста, налей чаю! Замерзла, как суслик.

Стрелец так и стоял, согнутый напополам. До него постепенно доходил странный смысл ее слов.

Потом он молча пошел на кухню. Согрел ей чай. Принес и сунул под плед. Там заворочалось, задвигалось. Вылезла узкая темная полупрозрачная ступня, тут же убралась назад.

- Кто там - черт его знает, но чай любит!.. - вновь донеслось из-под пледа, и чашка исчезла. - Па-ап! Спасибо тебе большое!.. - и затихла.

- А ведь говорила - не жена, не сестра, не дочь, не кума... Помнишь, нет? - обрел дар речи Петя.

- Помню... Так, когда это было... Да я тебе и не жена, не сестра, не кума. Все правильно.

- А остальное?

- Ты, зануда! - Она вынырнула из-под одеяла. Чай разлился, но ее не ошпарил. - Опять что-то не так? - Она залпом выпила остатки чая, обожгла язык, закрыла лицо руками.

- Да... Бог с тобой... Что ты говоришь... - вот все, что он нашелся ответить.

- Ты уже такая взрослая, дочь... - он обнял ее и впервые не испытал неловкости от прикосновения.

- А ты еще такой молодой, отец... - сказала она серьезно и взяла его за руку.

28.

Прошли месяцы. Стоял полный штиль.

Однажды летом приехала тетка Наталья и увезла Катю на Алтай. Катя там влюбилась в Наташиного ученика из Питера. Его звали Дима Синицын. Он был рыжий и курносый.

Синеволосяя Мальвина должна была найти рыжего Буратино. Стоило им вдвоем куда-нибудь заявиться, на них, как на нечто особенное, все сразу обращали внимание. Даже звери в зоопарке.

Влюбилась Катя после того, как ее, выдумщицу и фантазерку, чуть было саму не разыграли.

Штиль закончился.

Они тогда были еще едва знакомы. Димка вечером у костра рассказал ей, что раскопал в каком-то ущелье золото, и попросил Катю помочь ему найти покупателей.

Покупателя, чудного усатого мужика, Мальвина нашла и привела к Димке. Они договорились. Мальвина не догадалась, что это розыгрыш. Романтика кладоискательства, вполне совместимая с реальностью геологической экспедиции, ударила ей в голову.

Ладно бы им было по тринадцать, а то ведь взрослые, умные люди, стыдно сказать! Тайно, под покровом ночи, ходили они, как на Поле чудес, в ущелье, где грузили в мешок какие-то *самородки*. На обратном пути на них напали, развернули носами к стене, выхватили мешок и исчезли. Аналогия со сказкой возникла полная. Покупатель

остался крайне недоволен, сказав, что из-за них он не купил золото в другом месте. Буратино очень расстроился.

Тут бы и закончить, однако деятельная Мальвина, недолго думая, побежала в ближайшую деревню и позвонила *куда надо*. Нагрянула какая-то комиссия в сопровождении взвода автоматчиков. Покупатель скрылся. Димке пришлось показать, где он нашел золото. Его спросили, было ли еще. Он ответил, что они все выгребли. Действительно, ни комиссия, ни автоматчики ничего не нашли. Тут вернулась из дальнего похода Наташа и включилась в ситуацию.

Будучи руководителем экспедиции, Наташа официально заявила, что власти могут убираться за золотом куда подальше, хоть в Страну Дураков, а здесь его испокон веку не было. Но Димка стоял на своем. Поняв, наконец, что он блефует, Катя решила Димку обставить. Игра продолжилась. Димка предъявил будто бы найденный им мешок, в котором лежали украденные *самородки*. Экспертиза показала наличие на его внутренней поверхности золотого следа.

После этого новоявленным старателям реально светили крупные неприятности. Но ни один из них не сдавался. Несчастливая Наташа не знала, что ей делать. Ситуацию спас явившийся *с повинной* покупатель, он же грабитель, местный егерь Кулаков. Он принес пять позолоченных свинцовых слитков и объявил, что все это - розыгрыш. Комиссия была чрезвычайно зла. По ее настоянию Катю и Диму доставили в Барнаул, где серьезно пропесочили. Просвещенная Катя потребовала адвоката. Их выгнали в шею.

Так с Мальвиной не смели обращаться никогда. Она собралась поджечь здание Буратино ее отговаривал, но тщетно. Вот тут-то и мог случиться настоящий тарарам, уже безо всяких шуток, но вовремя подоспел Пирогов. Наташа в отчаянии телеграфировала Зое, и та отправила Петю в командировку. Буратино получил по зубам. Мальвина кинулась его защищать. Петр Иванович взял ее за руку, усадил в такси и увез на вокзал. Дима, получивши по зубам, остался один у стены массивного здания со спичками в руках. Катино намерение он, к счастью, осуществлять не стал.

Кто победил в этой ситуации, оставалось загадкой. Катя была взбешена. Отругали ее, как маленькую. Наташа плакала и говорила, что она себе не позволяла так поступать с родителями... Хотя она, Наташа-то, как раз тоже позволяла.

«Свободный человек» Мальвина неделю ни с кем не разговаривала.

Она поселилась у Петра и заявила, что отец может убираться, куда хочет, если ему неприятно ее общество. Отцу ее общество было приятно, но все равно он на время убрался к Зое.

Тут Катя обнаружила, что влюбилась. Она подождала пару дней, надеясь, что это пройдет. Но нет, не проходило. Тогда она подольстилась к тетке Наталье, сказала, что была дурой, но сейчас все будет иначе. Взяла у нее адрес Димки, заняла денег и как-то вечером потихоньку укатила в Питер.

Петр отследил ее отъезд, препятствовать не стал. Он позвонил Димке и извинился, что дал ему по зубам. А также сообщил, что не хотел бы извиняться еще раз. Хотя, если возникнет необходимость, за ним дело не станет. Димка в сердцах назвал Стрельца папой Карло, но чувствовалось, что он его уважает.

В ноябре Катя Платкова-Пирогова вышла замуж.

На церемонию в Питер приехали папа Карло с Зоей-Тортиллой, лиса Алиса тетка Наталья, усатый, как кот Базилио, егерь с Алтая Кулаков. Он явился по собственному почину и зачем-то привез молодым их *пять золотых*. Последним прилетел бородастый Карабас-Барабас дядя Сурен. Чудесный роман Мальвины и Буратино завершился

дворцом бракосочетаний. После этого все вернулись к своим занятиям. Димка последний год учился в Питере. Катя осталась жить в квартире Петра, а тот переселился к Зое.

В начале февраля Петр написал Зое письмо:

«То, что год назад казалось близким, теперь выглядит иначе. Может быть, все надо было делать именно тогда, невзирая на трудности, которые уже остались бы позади. А может быть, наоборот, то, что оно так - даже хорошо. За все надо платить. Что лучше - делать это заранее или получать счастье в кредит, а затем отдавать долги - я, честно говоря, так и не знаю. Но, во всяком случае, нам не по восемнадцать, когда решения принимаются легко, а события легко забываются. Мало того - по восемнадцать уже не будет. И, конечно, нелегко. И ничего не забывается. Значит, наверное, все правильно. Спасибо тебе за эту ночь.»

Юмор заключался в том, что они ночевали под одной крышей, но Петр почему-то отправил свою невнятную исповедь по почте. Сделав это, он со смирением ждал.

Наконец, Зоя как-то постучалась в бывшую Катину комнату и поинтересовалась, почему он молчит. Петр спросил, получила ли она его письмо. Она сказала, что да, конечно. На вопрос, что она об этом думает, Зоя назвала его дураком. И прибавила, что она тоже, наверное, не лучше.

Вскоре они пошли и поженились. Накануне Петя спал без сновидений.

29.

В Новый, две тысячи третий, год за столом собралась вся сказочная компания.

Первый после полуночи тост произнес Карабас-Барабас. Он встал, взял бокал, неторопливо прокашлялся. А затем, с благородным акцентом, растягивая и напевая слова, сказал речь:

- Жизнь - штука не фатальная. В ней нет предопределенности. Это было бы слишком просто. Напротив, в любую секунду может случиться все, что угодно. Никогда нельзя считать, что нам что-то раз навсегда дано или раз навсегда не дано. Первое *что-то* может уйти. Второе - прийти. Любовь окажется дружбой. Дружба обернется враждой. Или наоборот. Равнодушие перерастет в теплоту. Теплота - в любовь. Родятся дети. Или просто явятся из ниоткуда, как дар. На смену равнодушию - явятся из ниоткуда, родятся дети! Поступки наши мы посылаем в обе стороны, и они летят, как бумеранги, не задевая никого и ничего, забытые до поры. Но вдруг попадут через много лет в цель - и возвратятся к нам нежданной благодарностью либо поздним раскаянием. Глупо считать, что нам зачтется лишь где-то там, после, на небесах. Нет! Все взвешивается здесь. Рядом. Соберется в аккорды, разлетится по жизни, прошлое окажется будущим, и возникнет искушение стать фаталистом. Но это - ошибка. Богу недосуг решать каждую мелочь и делать нашу историю за нас. Дело даже не в том, что недосуг, а в том, что божественное право творить историю он дарит нам, своим актерам. В этом гениальность его театра. Нам даны условия игры, и их всего два. Первое: время идет только в одну сторону. Второе: в жизни может быть все, что угодно. Третьего нет. Робким и сомневающимся - на радость и веру. Самонадеянным и сильным - на раздумье. И тем, и другим - на будущее. С которым надо уметь совладать. И это - тост.

Все встали и выпили. Слова завораживали, несмотря на то, что смысл сказанного был туманен. Поздравляли друг друга и сдвигали бокалы тихо, чтобы не разбудить спящих в колясках детей: новорожденную Надю Пирогову и четырехмесячного безымянного Синицына. Женя Кулаков, которому дали камеру снимать застолье, исполнил роль фронтального кинооператора.

Стрелец поставил последнюю точку в фотоальбоме.

Восточная речь дяди Сурена, произнесенная третьего дня за новогодним столом, перекликалась с Петиными мыслями.

Егерь с Алтая Женя Кулаков снял застолье на видеопленку. Камеру в руках Женя держал, очевидно, впервые. Пока Сурен говорил, в кадре все металось и ездило. Лишь дважды мелькнуло лицо тостующего. Многократно - хвост, заколка и спина Наташи Моисеевой.

Судя по всему, между Женей и Наташей что-то намечалось.

К счастью, на звук операторские изыски не влияли.

Петр собрал коллекцию фотографий и вклеил их в большой старый Зоин альбом. Форзац альбома был свободен. Туда-то и переписал Петя новогоднюю речь Сурена.

Альбом начинался много лет назад, летом, на Волге. На набережной стояла, опершись на парапет, красивая девочка в пионерской форме, с черным бантом в длинных темных волосах. В левой руке девочка держала скрипку и смычок. Но она не думала о музыке. Придерживая раздуваемую теплым ветром прядь волос, она смотрела на север, за реку. Очевидно, видела она там что-то свое, потому что в сосредоточенных глазах рождалась улыбка.

Потом фотографии шли подряд. Каждый персонаж этой истории был представлен в разные времена. Больше всех фигурировала Катерина. Вот она у Нади на руках, готовится гулять. Вот Катя протыкает булавкой воздушные шары. Треплет за уши всевозможных кошек, собак и хомяков. Готовит уроки за аптечным лабораторным столом. Красуется перед зеркалом в шапке и с пантерой. Выходит из подъезда с ребенком на руках. Многие десятки снимков с друзьями и знакомыми, с Надей и Аркадием, с Петей и Зоей, с Димкой и дядей Суреном. С новорожденным Синицыным.

Получалось, что именно Мальвина стала главной героиней альбома. А может быть, и всей жизни Пирогова. По крайней мере - до сего момента.

Поэтому, наклеив фотографии и прокомментировав их, Стрелец вывел карандашом вверху титульной страницы: «МДМ, чтобы была умной и красивой». Первые три буквы значили «Моей дочери Мальвине». Остальное как-то не звучало. Ума, пожалуй, Мальвине не занимать. К сожалению. Красоты - тоже. Была бы счастлива.

Он стер «красивой» и написал «счастливой».

Выходило приказание - «чтоб была счастливой». Тоже нехорошо.

Стрелец стер слова «чтоб была». Зачем за счастьем ходить, раз вот оно, в альбоме.

Осталось «МДМ, умной и счастливой». Страшно было называть ее счастливой уже сейчас. А вдруг...

Внезапно, повинувшись какому-то порыву, Петр взял ручку и твердо, с классическим наклоном вправо, обвел всю фразу. Никаких *вдруг*. Будь что будет. В конце концов, это только семейный альбом.

Зазвонил телефон. Петр поднял трубку. Катя была легка на помине. Она звонила из Питера, куда уехала с мужем и сыном вчера вечером.

- Привет, пап. У нас все в порядке. Как Надюша?

- Спит. Нагулялась, поела - сама понимаешь... Как добрались?

- Отлично. А теперь мы - орем! И еще как. Мы - голосистый и наглый.

- Есть в кого.

- Да уж, дедушка у нас еще тот. - Мальвина была в своем репертуаре.

- А мама - ангел, - привычно парировал Петр.
- Кто бы сомневался.
- Петр вдруг вспомнил нечто очень важное и спросил:
- Послушай, вы его хоть как-нибудь, может, уже назовете?
- Уже назвали, - голос Мальвины стал сладкий. Не иначе, как готовилась какая-нибудь буза.
- Ну и как же? - Петя напрягся.
- Катерина выдержала паузу.
- Мальвина, не томи!
- Ладно уж... Мы его назвали - *Борислав*.
- Как?
- Борислав.
- Как!?!
- Борислав. Дмитриевич. Синицын. Проблемы со слухом?
- Фу ты... Катенька... А почему Борислав?
- Не знаю... Приснилось.

КОНЕЦ

*2001
ред.2004*